Ирина МАСЛЕНИЦЫНА,
Николай БОГОДЗЯЖ

София Слуцкая

Повесть-эссе

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2012

УДК 821.61.1(476)-31 ББК 84(4Беи-Рус)6-44 М31
Рецензенты:
Н. А. Голубева, кандидат исторических наук; П. А. Русое, кандидат исторических наук
Вступительная статья
Н. А. Голубевой
Рисунки
Народного художника Беларуси Арлена Кашкуревича

Масленицына, И. А.

София Слуцкая : повесть-эссе / Ирина Масленицына, Николай Богодзяж; вступ. ст. Н. А. Голубевой; рис. А. М. Кашкуревича. — Минск : Издательство «Четыре четверти», 2012. — 104 с. : ил.

ISBN 978-985-7026-33-3.

Впервые историком Николаем Богодзяжем и публицистом Ириной Масленицыной предпринята попытка создания полного правдивого жизнеописания святой праведной княгини Софии Слуцкой в контексте ее эпохи.

Заслуги Софии — последней представительницы рода рыцарей Православия князей Олельковичей — перед Богом и народом трудно переоценить: она была радетельницей храмов, монастырей и защитницей прав единоверцев в самые трудные времена гонений на Православие.

Авторы, основываясь на исторических документах и фактах, рассказывают о Софии Слуцкой в популярной форме, и адресуют книгу широкому кругу читателей.

УДК 821.61.1(476)31
ББК 84(4Беи-Рус)6-44

ISBN 978-985-7026-33-3

К ИСТОКАМ СВОИМ ОБРАЩАЯСЬ...

С годами интерес к истории Беларуси становится все сильнее. Появляются глубокие по содержанию работы, раскрывающие малоизвестные страницы прошлого нашей страны. В книге «София Слуцкая» публицист Ирина Масленицына и историк Николай Богодзяж представляют еще одну такую страницу. Объектом исследования авторов стали восточные земли Великого Княжества Литовского, а именно — Слуцкое княжество. Авторы рассказывают о самых интересных, порой трагических моментах общественной, культурной жизни княжества, важнейших военно-политических контактах, стратегических решениях для укрепления авторитета региона, а также показывают борьбу за право на самостоятельный выбор вероисповедания.

Книга написана на основе подлинных документов и конкретных исторических фактов. Авторы, используя большой фактический материал, дополняют наши знания об этом периоде. На фоне судьбоносных событий в жизни Софии из рода Олельковичей показана история развития Слуцка, превращение его в один из известнейших городов Европы, формирование уклада городского быта, в котором переплелось многообразие культурных и религиозных традиций.

В центре повествования — представители рода Олельковичей, сыгравшие важную роль в развитии восточных земель Великого Княжества Литовского, в отстаивании интересов Православия. В увлекательной форме, простым и доступным языком в книге повествуется о периоде их правления. Это было время столкновения интересов государств, конкретных исторических личностей. Авторы дают возможность почувствовать эпоху, стать свидетелями как предательства и измены интересам государства некоторых влиятельных людей княжества, так и великого служения вере и Отечеству, героизма и патриотизма жителей Слуцка, которые смогли отразить набеги крымских татар в период нашествия их на восточные земли.

Книга содержит богатый информационный материал, хорошо структурирована, иллюстрирована известным художником Арленом Кашкуревичем и будет интересна широкому кругу читателей.

Наталья Голубева

Одна из самых почитаемых на Беларуси святых — благоверная княгиня София Слуцкая. Мощи ее покоятся в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе в саркофаге, на котором выбиты евангельские слова: «Блаженны плачущие, ибо утешатся». И сотни страждущих в надежде найти утешение каждый день приходят поклониться святой княгине и попросить ее о заступничестве перед самым грозным и самым справедливом в мире судьей — Господом Богом. Ведь София Слуцкая и вошла в историю своей родины как заступница.

На рубеже XVI и XVII веков, во времена правления Речью Посполитой короля Сигизмунда III Вазы и королевы Констанции Габсбург, в очередной раз сгустились тучи над головами православных, живших на землях восточной части этой державы, — Великого Княжества Литовского. Их права ущемляли, священников и ученых богословов преследовали, храмы закрывали, либо они становились униатскими. Этому процессу трудно было противостоять мирным путем, а бунты заканчивались кровавыми расправами. И только один островок на территории Беларуси — Слуцкое княжество — сохранял свободу вероисповедания.

Случчина оставалась последним оплотом Православия благодаря мужеству и самоотверженности княгини Софии, которая не побоялась противопоставить себя и королю с королевой, и воле Папы Римского, и политической силе магнатов-католиков. Она была последней представительницей рода рыцарей Православия — князей Олельковичей.

Олельковичи - рыцари Православия

ОСНОВАТЕЛИ ДИНАСТИИ

Единственный православный Великий князь Литовский, Ольгерд, был женат дважды и оба раза на русских княжнах. Но если далеко не все сыновья от второго брака с Ульяной Александровной Тверской нашли в себе силы устоять против соблазнов и удержаться в вере родителей, то пятеро старших Ольгердовичей, дети Марии Ярославны Витебской, пронесли светоч Православия через всю свою жизнь. Одному из них — Владимиру — Ольгерд завещал после своей смерти Киев. Набожный и праведный князь с трепетом принял этот великий дар. Он мечтал прославить «мать городов русских» великими деяниями и подвигами во славу веры. И действительно, стал благодетелем киевских храмов и Печерского монастыря. Однако сохранить за собой киевский престол Владимир не сумел. Когда в результате жестоких политических интриг литовский великокняжеский престол достался двоюродному брату Владимира Витовту, Владимир не пожелал присягнуть ему на верность. Однако Витовт доказал свою силу. Он отобрал киевское княжение у того, в ком заподозрил тайного соперника, а взамен, дабы не упрекали его подданные в излишней жестокости и несправедливости, отжалел ему городок Копыль с землями вокруг него. Слуцк тоже находился в этих владениях. Он был в те времена меньше Копыля и не так хорошо обустроен.

Слуцк до Олельковичей

Археологи утверждают, что укрепленное поселение на том месте, где стоит современный город, существовало еще в раннем железном веке, то есть за несколько столетий до Рождества Христова. Правда, неизвестно, кто тут жил. Слово «Слуцк» произошло от названия реки Случь, на которой город вырос. В традициях древних славян было производить названия своих городов от названий рек: Полоцк от Полоты, Орша от Риги, Витебск от Витьбы. Первое упоминание о Слуцке мы находим в «Повести временных лет» под 1116 годом. Летописец повествует о том, как минский князь Глеб Всеславич пошел на владения великого князя Киевского Владимира Мономаха, «воевал Дреговичи и Случеск пожог...» Но, безусловно, летописный город возник много раньше. Возможно, в XI столетии, когда, по данным раскопок, на месте древнего поселения

был заложен детинец — центральная часть города. Этот детинец окружили четырехметровым земляным валом и рвом глубиной 2 метра.

В 1149 году Слуцк отошел к владениям черниговского князя Святослава Ольговича, в 1162 году здесь на несколько лет обосновался дорогобужский князь Владимир Мстиславич. Потом городом овладели туровские князья. Именно при них возникло удельное Слуцкое княжество, и Слуцк стал его столицей. Княжество это не было сильным. Около 1270 года оно вошло в состав Великого Княжества Литовского. В 1275 году галицкий князь Лев Данилович повел союзных ему князей и татарское войско против великого князя Литовского Тройденя. Слуцк, лежавший на их пути, подвергся разорению. В дальнейшем некоторое время слуцким князьям пришлось подчиняться князьям галицко-волынским. Но Великое Княжество Литовское уже в 1326 году вернуло себе Слуцк.

В 1395 году Копыль с окрестностями, к которым по тем временам принадлежал и Слуцк, был отдан Владимиру Ольгердовичу, наследники которого правили Слуцким княжеством до 1612 года.

Владимир Ольгердович умер в 1398 году. До последнего дня он не терял надежды вернуться в Киев. И он вернулся в этот великий город. После смерти. Тело князя принял на вечное упокоение Киево-Печерский монастырь.

После ухода князя Владимира копыльские земли стали собственностью его восемнадцатилетнего сына Александра, или Олельки. Олелько был одной из самых ярких личностей своего времени. Образованный, не лишенный воинского таланта и удачливости, он обладал также дипломатическим даром. Именно Олелько перенес центр своего княжества в Слуцк. И, говорят, произошло это по вмешательству Самой Богородицы. Предание утверждает, что Пресвятая Дева Мария явилась молодому князю во сне, когда он пребывал в Слуцке. «Тут воссиять славе рода твоего», — сказала она. Олелько поспешил выполнить предназначенное. Его стараниями в Слуцке был основан Новый «град» подле Старого. Князь перебрался в Слуцкий замок, в пределах которого в 1409 году велел построить церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Дева Мария хранила князя Олельку и слуцкое войско в кровопролитной битве при Грюнвальде в следующем 1410 году.

Битва при Грюнвальде

К началу XV столетия стало ясно, что противостояние крестоносцев и славян неизбежно должно будет закончиться великой войной. К ней усердно готовился заносчивый и тщеславный магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнинген. Он ставил целью создание Великой Тевтонии — от острова Рюген в Балтийском море до Финского залива. В ее состав должны были войти земли Польши, Великого Княжества Литовского, а также Псковщина и Новгородчина.

В первой декаде декабря 1409 года в Берестье съехались король Польши Ягайло и великий князь Литовский Витовт, чтобы обсудить, как достойно отразить напор грозного противника. Было решено выступить против Ордена со всеми силами и дать решительный бой, результат которого должен был определить исход всей войны.

Противники сошлись на широком зеленом поле в четырехугольнике селений Танненберг, Фаулен, Людвигсдорф и Грюнвальд. Пятьдесят одна хоругвь крестоносцев включала рыцарей практически из всех княжеств Германии, а также представителей Англии, Франции, Швейцарии, скандинавских стран. Кроме того, на сторону Ордена встал и венгерский король.

Среди 50 польских хоругвей 7 были из Западной Украины, 40 хоругвей под началом Витовта включали воинов со всей Беларуси. Были здесь также литовцы из Трок и Ковно. Пришел под Грюнвальд отряд из Новгорода Великого, дружина из Валахии, отряд чехов, татары хана Джелал-ад-Дина.

Накануне и в начале битвы над Грюнвальдом бушевала гроза. Это было не в пользу крестоносцев. Их тяжелые кони могли увязнуть в грязи, тем более, что Ягайло и Витовт заняли позиции в перелесках. Поэтому крестоносцы хотели выманить противника на открытую местность. По давней традиции они прислали через герольдов два меча как официальный вызов, заявляя, что готовы даже отойти, чтобы дать больше места противникам.

Но поляки медлили. Ягайло долго молился, прослушав целых две мессы. Витовт пошел в атаку. Его встретил огонь артиллерии и арбалетчиков. Атака захлебнулась, и тяжелая орденская железная «свинья» ринулась вперед...

К концу первого часа казалось, что Орден одерживает победу. Войско Великого княжества начало отступать. Некоторые считают, что это был хитрый маневр Витовта, но современники утверждали, что великий князь безуспешно пытался остановить бегущих, крича на них и избивая.

И только три полка князя Мстиславского Семена Ольгердовича — Мстиславский, Оршанский и Смоленский — твердо стояли на месте. Как свидетельствует церковное предание, князь Мстиславский и его воины были избраны для ратного подвига на Грюнвальде самой Пресвятой Богородицей, вернувшей в 1380 году зрение внезапно ослепшему Семену Ольгердовичу. Собираясь на битву, ратники князя Семена получили благословение иноков Мстиславского Пустынского монастыря, возведенного в том же 1380 году на месте чудесного явления Царицы Небесной.

Мстиславский, Оршанский и Смоленский полки не сошли с позиций даже тогда, когда крестоносцы смяли польское войско, и развернулась борьба уже за великую польскую хоругвь, а сам Ягайло испуганно скомандовал своему окружению: «Панове, до лясу!». Почти все воины Семена Ольгердовича полегли, но их мужество дало возможность Витовту перегруппировать бегущее войско и вновь вступить в битву, в которой 4 резервные хоругви Великого княжества решили, наконец, исход дела.

Магистр Ульрих фон Юнинген погиб на поле брани. Пали и все комтуры. Полагают, что из 700 знатных орденских братьев в живых осталось только 15. Папа Римский писал, что всего под Грюнвальдом погибло 18 тысяч крестоносцев. Победа была полной. Она приостановила многовековую экспансию крестоносцев на славянские земли.

Князь Слуцкий Олелько, прославивший свое имя на Грюнвальдском поле, в 1417 году заключил брачный союз с московской княжной Анастасией, дочерью Василия I. Со стороны матери, княгини Софии, Анастасия была внучкой Витовта. Породнившись таким образом с Великим князем Литовским, Олелько устранил все недомолвки и старые обиды, которые существовали между ним и Витовтом. Анастасия же подарила мужу двоих сыновей и трех дочерей.

Княжеская семья жила благочестиво, проводя время в благодарственных молитвах за ниспосланное им домашнее счастье. Муж и жена совершали паломничества по известным православным обителям, делали пожертвования в пользу слуцких, а также киевских храмов и монастырей. Между прочим, на прославленном Лавришевском Евангелии, написанном в XIII столетии, выявлена надпись: «Се язь князь Олександр Володимерович и с своею княгинею московськoю и своими детми дал есмь десятину в Святей Богородицы у Лаврашов мнастырь с Турца у веки».

Витовт обязал Олельку участвовать в обороне южных рубежей Великого княжества от нападений татар, и князь Слуцкий как нельзя

лучше справлялся со столь ответственной задачей. Однако в 1430 году Витовта не стало, и в стране началась ожесточенная борьба за великокняжеский престол. Как внук Ольгерда Олелько тоже заявил о готовности короноваться великокняжеским венцом, но вовремя понял, что не имеет достаточного количества сторонников, чтобы добиться победы. Тогда он, как и все православные магнаты, поддержал в борьбе за власть Свидригайло Ольгердовича, брата своего отца. Обрадованный Свидригайло сделал племянника своим ближайшим поверенным, а когда стал великим князем Литовским, советовался с ним по многим политическим вопросам.

Магнаты

Самая богатая часть шляхетского сословия в Великом Княжестве Литовском и Королевстве Польском называла себя магнатами. Они обладали огромными земельными владениями. Богатство и родовитость значительно облегчали доступ к высоким государственным должностям, что делало магнатов влиятельными политиками. Магнаты имели собственные придворные войска, к услугам которых король прибегал в случае войны. Нередко эти войска использовали в межродовых разборках магнатов, так называемых «домовых войнах».

Богатство и политическое значение магнатов возрастали благодаря имениям и должностям, полученным от короля «за верную службу». С XVI века шляхта и магнаты соперничали за власть в стране. Угасание династии Ягеллонов повысило значение слова и оружия шляхты. Но когда по закону королевская власть в Речи Посполитой стала выборной, авторитет магнатерии вновь возрос. Фактически, именно магнаты выбирали короля и правили страной. Безусловно, их устраивала децентрализация власти. Они предпочитали властвовать сами и добивались этого принятием новых законов, заключением выгодных политических союзов или развязыванием новых войн. В Польше всегда соперничало несколько магнатских родов. В Великом Княжестве Литовском преимущества, как правило, добивалась одна семья, которая подчиняла себе шляхту. В XV-XVIII столетиях в Великом Княжестве Литовском доминировали Радзивиллы, которых называли «некоронованными королями». В их руках традиционно находилось Виленское воеводство, наиболее значимое в Великом княжестве.

Материальной основой политического значения магнатов были огромные земельные владения — магнатские латифундии. По систе-

ме организации они напоминали небольшие государства. Некоторые из них — как правило, владения православных магнатов — и происходили от раннефеодальных удельных княжеств: Слуцкое, Кобринское, Пинское. Магнаты-католики и протестанты по примеру западноевропейских стран образовывали майораты. Это гарантировало неделимость земельных владений магнатов (все доставалось старшему наследнику) и невозможность передачи недвижимости одного рода представителям другого. Наистарейшими на землях Беларуси, Литвы и Польши были майораты Радзивиллов в Несвиже, Клецке и Олыке.

После того, как в 1432 году заговорщики-католики лишили Свидригайло власти и объявили Великим князем Литовским Жигимонта Кейстутовича, Олелько поддержал родственника в борьбе за возвращение престола. Все радости побед и всю горечь поражений разделил он с тем, кому присягнул как сюзерену, ни разу не помыслив об измене.

И только в 1434 году, когда утративший престол Свидригайло ради возвращения великокняжеского венца начал отходить от своих верных православных подданных, когда жена его, тверская княжна Анна, для потреб великой политики приняла католичество, а сам Свидригайло пообещал всему католическому миру объединение православной и католической церквей в унию, Олелько начал колебаться. Конечно, эта акция могла принести победу Свидригайло, так как в случае удачного ее проведения император Священной Римской империи Зигмунт I обещал ему королевскую корону и провозглашение Великого Княжества Литовского Королевством Литовским.

Но вера для князя Олельки была священна, и он не понял своего сюзерена. Еще большее непонимание и даже ужас вызвала расправа в 1435 году Свидригайло с митрополитом Литовской Руси Герасимом, который наотрез отказался давать согласие на унию и за это был сожжен на костре в Витебске.

И хотя Олелько выступил вместе с другими православными магнатами в решающей битве Жигимонта и Свидригайло на реке Святой на стороне последнего, боевое настроение его, как и многих других воинов, было не таким, с каким побеждают. Битву выиграл Жигимонт Кейстутович. Свидригайло бежал на Волынь, а его недавние сторонники оказались отданными на волю судьбы. Часть из них бежала за границу, другим повезло — Жигимонт их простил, а некоторые были схвачены и казнены.

Олелько же попал в темницу в городе Кернове. За решеткой, терпя постоянные издевательства и унижения, он провел почти пять лет. Все это время он мучился мыслью о жене и детях, которых Жигимонт удерживал в плену в отроге в Утянах. Многие узники жестокого Жигимонта сходили в тюрьмах с ума или кончали жизнь самоубийством. Но свет любви и веры хранил Олельку и его супругу Анастасию, рассеивал мрак в их душах, давал надежду.

Олелько и его семья вышли на свободу только тогда, когда в результате заговора Жигимонт был лишен жизни. Слуцкого князя выпустил на волю новый Великий князь Литовский, сын короля Польского Ягайло Казимир. Казимир был ярым католиком, он опасался влияния Олельки в Великом княжестве. Но ему очень хотелось снискать популярность среди православных подданных. Чтобы обезопасить от Олельки как возможного соперника свой трон, Казимир в 1441 году отдал ему город его отца — Киев. Но и Слуцк остался во владении семьи. В скором времени стараниями Олельки он превратился в один из наиболее развитых городов Великого Княжества. В 1441 году город получил Магдебургское право, которое до этого имели только Вильно, Гродно и Брест.

Магдебургское право

Средневековое феодальное городское право появилось в XIII столетии в германском городе Магдебурге. Оно известно также как немецкое. Жители города при Магдебургском праве получали самоуправление, судебный иммунитет, налоговые льготы, а также льготы в ремесленной и торговой деятельности, их освобождали от воинской повинности. Выборные органы самоуправления и суда назывались магистратами. Именно они устанавливали порядок выборов городских властей, их функции, нормы судопроизводства, уставы ремесленных цехов и купеческих объединений.

Магдебургское право распространилось в городах Центральной и Восточной Европы. В Беларусь пришло в XIV столетии из Польши. К XVIII веку его получили все крупные, а также многие средние города Великого Княжества Литовского и даже некоторые местечки, причем не только государственные, но и находившиеся в частном владении. Благодаря этому основная масса горожан Беларуси освободилась от личной зависимости. Это их положение было закреплено в общегосударственных актах, а в XVI столетии — в «Статутах Великого Княжества Литовского». Даже переселявшиеся в

город деревенские жители получали свободу и становились полноправными членами городской общины.

Давалось Магдебургское право Привилеем (грамотой) великого князя. В этом документе определяли границы городской пахотной земли, налоги и другие повинности государственной казне. В частновладельческих городах Привилей великого князя давали по ходатайству владельца, а иногда его вручал и сам владелец.

В любом случае повинности горожан определял владелец города.

Слуцк превратился в крупный духовный центр. Кроме замковой церкви Успения Пресвятой Богородицы Олелько обустроил две церкви на посаде, Михайловский храм в предместье Остров и Свято-Троицкий монастырь в предместье Тройчаны. В Слуцке работали книгописцы и скриптории. Начали вести летопись.

Олелько и его верная Анастасия, как и Владимир Ольгердович, упокоились в Киево-Печерском монастыре.

Слуцкое летописание

Предположение о том, что в Слуцке уже при князе Олелъке велись летописи, впервые высказали российские исследователи XIX века П. А. Гильдебрант и А. Л. Миротворцев на основании найденного ими в Несвижском архиве Радзивиллов фрагмента некоей рукописи, который сохранился в латинской транскрипции XVIII века, но в нем описывались слуцкие события времен Олельки Владимировича. К сожалению, оригинал XV века найден не был. Вероятно, рукопись погибла в результате средневековых войн.

В XVI столетии в Слуцке, видимо, после некоторого перерыва, летописание возобновилось. Замечательная рукопись первой четверти XVI века до 1917 года хранилась в библиотеке графа А. Уварова, и поэтому, кроме названия «Слуцкая летопись», имеет и другое — «Уваровская летопись». В этой летописи описываются деяния слуцкого князя Семена и княгини Анастасии, а также их потомков. Рукопись открывается «Летописцем великих князей Литовских» и оканчивается избранными отрывками из «Повести временных лет». Впервые опубликованная в сокращенном виде в 1854 году книгоиздателем А. М. Поповым, в 1877 году «Слуцкая летопись» была издана в Кенигсберге в переводе на немецкий. Полный текст «Слуцкой (Уваровской) летописи» можно найти в уникальном издании «Полное собрание русских летописей» в томах 17 (1907-й год издания) и 35 (1980-й год издания).

МЯТЕЖНЫЙ КНЯЗЬ

После смерти князя Олельки владения его разделили между двумя его сыновьями. Старший, Семен, получил киевское княжение. Младшему, Михаилу, достался Слуцк. Характеры у братьев были очень разные. Спокойный и последовательный Семен продолжал славные дела отца, опекая православные храмы. В Киеве с его помощью была восстановлена соборная церковь Киево-Печерского монастыря. В Слуцке построен Свято-Ильинский монастырь.

Михаил в отличие от старшего брата был натурой увлекающейся, склонной к отчаянным авантюрам. Не слушая упреков своих духовников, которые призывали князя остепениться и вести более размеренную жизнь, Михаил позволил втянуть себя в политические интриги и жестоко поплатился за это.

Еще во времена Ольгерда Великое Княжество Литовское заимело сильного политического конкурента на востоке — Великое княжество Московское. С течением времени недоразумения и взаимные претензии этих двух соседей друг к другу не только не прекратились, но и еще больше обострились. Великие князья Литовские и Московские оспаривали пограничные территории, ходили друг на друга боевыми походами, боролись за экономическое влияние на соседние земли.

Великому князю Литовскому Казимиру Ягеллону судьба предначертала противостоять правителю Московии Ивану III.

Долгое время объектом их политической борьбы оставался вольный город Новгород Великий. Среди наиболее влиятельных новгородцев были сторонники Ивана III и Казимира. Пролитовскую группировку возглавляла мужественная и решительная вдова новгородского посадника Борецкого — Марфа. По величине собственности, оставленной ей мужем, Марфа-посадница считалась третьей после новгородского владыки и местных монастырей вместе взятых. Это способствовало повышению политического авторитета вдовы среди соотечественников. Взоры Борецкой обратились в сторону Великого Княжества Литовского в 60-х годах XV века.

Иван III в это время активно проводил политику объединения русских земель вокруг Москвы. Он открыто заявлял о намерениях лишить вольный Новгород республиканских традиций и присоединить его к своей державе. Марфа поняла, что в этом случае ее почти неограниченная власть закончится. Помешать намерениям Ивана III мог только великий князь Литовский. И Марфа стала агитировать новгородцев за союз с Казимиром. Было решено просить великого

князя Литовского принять Новгород под свою власть, но при условии сохранения всех вольностей и православной веры в этом регионе.

Зная, что в случае получения согласия, в Новгород должен будет приехать наместник Казимира, Марфа-посадница посчитала за лучшее загодя оговорить с великим князем Литовским и этот вопрос. Она настроила бояр просить, чтобы наместником стал князь Слуцкий Михаил Олелькович. Борецкая даже не пыталась скрыть своей личной заинтересованности. Князь Михаил Олелькович был неженатым, она — вдовой. Марфа-посадница, несмотря на свой преклонный возраст, мечтала о новом браке. Ведь ее замужество, с одной стороны, укрепило бы союз Новгорода и Великого Княжества Литовского, а с другой — способствовало бы еще большему возвышению ее над соотечественниками, дало бы ей статус законной новгородской правительницы.

Казимира заинтересовало предложение новгородцев, и в 1470 году из Слуцка в Новгород прибыл Михаил Олелькович. Мужественный и энергичный, он очень понравился посаднице. Стареющая женщина начала оказывать знаки внимания наместнику, вызывая этим недовольство многих горожан и, кстати, собственных детей (у нее были уже правнуки). Михаил Олелькович также не приходил в восторг от перспективы жениться на вдовушке, которая почти на двадцать лет была старше него. Но политические соображения вынуждали князя дать согласие на предложение Марфы-посадницы.

Приняв наместника, новгородцы сообщили Ивану III, что больше не считают себя его подданными. Они не сомневались: если Великий князь Московский начнет против них войну, Казимир пришлет им на помощь свои войска.

Приближался день, назначенный для венчания Михаила Олельковича и Марфы Борецкой. И вдруг из Киева князю Михаилу пришла весть о том, что его старший брат Семен, киевский князь, умер. Осталась вдова с двумя детьми. Перед смертью Семен просил Казимира позаботиться о них и подтвердить права его малолетнего сына Василия на киевское княжение. Однако Казимир, поощряемый своими католическими подданными, отослал вдову в Пинск, а киевским князем назначил католика Мартина Гаштольда. Киевляне, в большинстве своем православные, отказались признавать Гаштольда и вызвали из Новгорода Михаила Олельковича, но он не успел возглавить верных его семье горожан. Гаштольд захватил Киев с помощью военной силы. В Новгород князь Михаил уже не смог вернуться...

Иван III, поняв, что уже почти потерял Новгород, в мае 1471 года двинулся с войском на мятежный город. Марфа-посадница послала гонца в Великое Княжество Литовское. Но неожиданно для

всех Казимир изменил новгородцам. Войска не пришли. Новгород пал.

Марфу Борецкую по приказу Ивана III в кандалах повезли в Москву. По пути она погибла при невыясненных обстоятельствах. Михаилу Олельковичу ничего не оставалось, кроме как вернуться в Слуцк, где он вскоре женился на княжне Анне Мстиславской и заимел наследника, сына Семена.

Новгородские события потрясли современников. Многие подданные Казимира Ягеллона, особенно православные, стали открыто высказывать недовольство его причастностью к этому делу. Слышались голоса в поддержку Михаила Олельковича. С каждым годом приверженцев у слуцкого князя становилось все больше.

Казимир, опасаясь, что граждане Великого Княжества Литовского могут отобрать у него власть и посадить на его место Олельковича, попытался лишить князя Михаила его слуцких владений, как лишил его племянника киевского княжения. Возмущенный несправедливостью и произволом князь Слуцкий вместе с двоюродным братом Федором Бельским и князем Иваном Гольшанским, недовольными прокатолический политикой Казимира, в 1481 году организовали заговор против своего сюзерена.

Было решено пригласить Казимира в Кобрин на свадьбу Федора Вельского с княжной Кобринской, организовать по случаю брачного торжества большую охоту, во время которой, инсценируя несчастный случай, и убить Великого князя Литовского. Однако план заговора раскрыли.

От жестокой кары удалось спастись только новобрачному, который утром после брачной ночи успел выпрыгнуть в окно. Федор Бельский нашел убежище в Москве. Михаила Олельковича и его соратника Ивана Гольшанского приговорили к смертной казни. Им отрубили головы на главной площади в Вильно при великом стечении народа и в присутствии великокняжеской Рады. Слуцк в этот день был увешан черными флагами...

СЛУЦКИЕ РАТОБОРЦЫ

Сыну Михаила Олельковича, княжичу Семену, едва исполнилось 8 лет, когда его родитель сложил голову на плахе. Чудом удалось отмолить, отплакать матери Семена, княгине Анне, у Казимира IV право на наследство для сына.

До совершеннолетия Семена тихо жили Олельковичи, не забывая о том, что их семья в опале. И только в Мстиславль — родной город

матери — выбирались время от времени, к ближайшим родственникам. Там и познакомился юный Семен кузиной, Анастасией Мстиславской, а спустя 10 лет сделал ее своей супругой.

Семен и Анастасия Олельковичи были личностями исключительными, из числа тех, кого посылают Небеса каждому народу не более десятка в столетие. Они стали мужем и женой отнюдь не по династическим расчетам, но по взаимной любви. Действительно, эти двое как нельзя лучше подходили друг другу. Ровесники, веры Православной. Оба — птенцы Ольгердова гнезда: любили охоту и веселые забавы на свежем воздухе, в минуты скорби и тяжких раздумий спешили прибегнуть к советам духовных пастырей и искали утешения под сводами церковными. Было и еще нечто, что способствовало их взаимопониманию: раннее сиротство. Отец Анастасии, Иван Мстиславский, скончался, когда дочери не было и десяти лет. Все еще тоскуя о почившем родителе, теперь Анастасия имела рядом друга, который также нес в своем сердце боль утраты.

В 1492 году между Рождественским и Великим постами по православному календарю сыграли свадьбу. Скромную, чтобы не привлекать внимания Казимира IV. А в июне король умер.

Девятнадцатилетний Семен Олелькович понял, что пришло время заявить о себе. Очень быстро он связался с наиболее влиятельными православными магнатами, Александром Гольшанским и Иваном Заславским и заручился их поддержкой. На выборный сейм в Вильно опальный сын «государственного преступника» прибыл, окруженный соратниками и единомышленниками.

Будучи великим князем Литовским, Казимир после гибели своего брата Владислава, принял еще и корону польскую и сделал все возможное для того, чтобы объединить две соседние державы одним Законом. Но это вызвало активное наступление на православные земли католичества. Вернуть Великому Княжеству Литовскому статус преимущественно православного государства, независимого от католического Королевства Польского, можно было бы только избранием на великокняжеский престол православного. Семен Олелькович выдвинул свою кандидатуру.

Однако к концу правления Казимира давление на Православие было таким сильным,что многие литвины посчитали за лучшее перейти в католичество, и теперь им оказалось невыгодным вокняжение православного Олельковича.

И все-таки князь Семен сумел вернуть себе уважение и статус. Новый государь, Александр Ягеллон, понял, что с этим вассалом ему придется считаться.

Очень скоро энергичный Семен Михайлович смог создать сильное и мало зависимое от власти Александра Слуцкое княжество, крупный центр Православия там, где победа католичества, казалось, была заранее предрешена.

Впрочем, в 1496 году появилась надежда на то, что Православие как вероисповедание в Великом Княжестве Литовском все-таки сможет вернуть себе утраченные права, и православные подданные великого князя будут равны перед Законом с католиками. Александр, желая раз и навсегда примириться с Москвой, войны с которой серьезно опустошали его державу, посватался к дочери великого князя Московского Ивана III, Елене, и получил согласие. Единственным условием Москвы было сохранение княжной православной веры.

Эта весть была воспринята с радостью и энтузиазмом православными литвинами — они думали, что государыня-единоверка будет их заступницей. Изустное предание утверждает, что князь Семен и Анастасия даже ездили в Минск встречать московскую невесту. Они могли рассчитывать, что Елена Ивановна, создавая в Вильно свой собственный двор, назначит фрейлинами православных шляхтянок. В таком случае Анастасия как жена лидера православной шляхты имела больше, чем кто-нибудь другой, прав стать первой дамой двора великой княгини. Однако так не получилось.

Московская княжна привезла с собой готовый двор, который составляли русские боярыни и дворянки. Правда, вскоре Александр, заподозрив, что некоторые из них — шпионки Ивана III, отослал всех назад в Москву. Но на их место он сам назначил литвинских магнаток, подавляющее большинство из которых были католичками, а другие — женами католиков.

Александр Ягеллон и Елена Ивановна

Четвертый сын Казимира Ягеллона, Александр, был образован и умен. Он приблизил к себе прогрессивно мыслящих молодых магнатов: Константина Острожского и Михаила Глинского, будущих знаменитых полководцев; Альбрехта Гаштольда, известного в дальнейшем политика; братьев Януша и Миколая Радзивиллов, с которых началась слава этого рода. Подобно легендарному королю Артуру, Александр собирал этих вассалов в одном из тайных залов виленского великокняжеского дворца за круглым столом, где все были равны. Называл их друзьями, дозволял спорить с собой, отстаивая правоту. Человеком он был добрым и милостивым, а вот правителем оказался слабым и неуверенным. Всего через несколько месяцев мирного

правления Великим Княжеством Литовским Александр вынужден был вступить в войну с могущественным соседом — государем Московии Иваном III. Утратив многие восточные территории своей державы, Александр попытался получить надежный мир с Москвой, женившись на дочери Ивана III, княжне Елене. Приехав в Вильно, московская княжна тронула сердце Александра сказочной красотой и женским достоинством. Похожая на «ангела в человеческом облике», она была, по словам самого великого князя Литовского, «смиренна, ласкова и послушна». Но семейное счастье не было даровано этой чете.

Елена Ивановна оказалась ревностной защитницей Православия. Она опекала церкви и монастыри, делала богатые пожертвования, принимала прошения обиженных произволом представителей католической церкви единоверцев. Узнав об этом, Папа Римский под страхом признания брака Александра недействительным стал требовать перехода Елены Ивановны в католичество. От великой княгини отдалили всех тех, кто, по мнению костела, мог бы поощрять ее упорство в вере. Магнаты-католики, католическое духовенство, мать и братья Александра убеждали Елену в необходимости пожертвовать «ради супруга и державы» верой предков. Хотя великая княгиня оказалась стойкой и не поддалась ни на уговоры, ни на угрозы, узнав обо всем, Иван III заявил о своей готовности порвать добрососедские отношения с зятем. В письмах к Александру Иван III гневно писал: «Что делается в Литве? Строят латинские божницы в городах русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою крестят в Закон римский. То ли называется «не гнать за веру»? И могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие?» Готовясь к возможной новой войне, в 1499 году Александр согласился вступить в союз с Польшей, где правил его старший брат Ян Альбрехт.

Предполагалось, что первый свой удар братья Ягеллоны нанесут по туркам и крымским татарам. Турки опустошали Польшу, а крымские татары были верными союзниками Москвы. Ян Альбрехт обещал помощь и поддержку в случае новой войны с Иваном III.

Но цена этого «братского» союза для Александра Ягеллона была слишком велика. В грамоте, которую ему предложил подписать Ян Альбрехт, указывалось условие: Королевство Польское и Великое Княжество Литовское в будущем должны иметь совместное правительство и общего монарха, которого выбирают на совместном

съезде обоих народов с титулом Короля Польского и великого князя Литовского.

Именно этот пункт позволил Александру в 1501 году после внезапной смерти Яна Альбрехта получить в дополнение к своему титулу титул короля Польского. Но ускоренная подписанием этого договора война с Московским государством и одновременно с крымским ханом Менгли-Гиреем уже опустошала земли Великого Княжества Литовского.

В этой войне, длившейся с 1500 г. по 1503 г., Александр потерял 25 городов и любовь подданных. Восшествие Александра Ягеллона на польский престол привело к новому этапу объединения Польши и Литвы, вызвавшему самые печальные последствия для православных Великого княжества.

Не умея выйти из череды бедствий, обрушившихся на него, находясь в постоянном конфликте с польскими вассалами, которые требовали от короля согласования всех его решений с наиболее влиятельными магнатами Польши, Александр Ягеллон умер в результате апоплексического удара, полученного им в очередной стычке с краковским духовенством.

Елена Ивановна горько оплакивала неудачливого супруга. Выехать в Москву ей не позволили. Последние годы жизни овдовевшая великая княгиня провела в одиночестве и забвении. Она умерла в январе 1513 года. Возможно, была отравлена.

«Великий исход» православных князей

Перед самым началом войны 1500 года держава Александра Ягеллона «заболела» очередной хворью. Российский историк Н. М. Карамзин пишет: «Киевского митрополита Макария злодейски умертвили перекопские татары близ Мозыря: Александр обещал первосвятительство Иосифу Смоленскому. В угодность ему сей честолюбивый владыка, епископ виленский Альберт Табор и монахи бернардинские ездили из города в город склонять духовенство, князей, бояр и народ к соединению с римскою церковию: ибо по смерти киевского митрополита Григория святители литовской России, отвергнув устав Флорентийского собора, не хотели зависеть от папы и снова принимали митрополитов от патриархов константинопольских. Иосиф доказывал, что римский первосвятитель есть действительно глава христианства; виленский епископ и бернардины вопили: «Да будет единое стадо и един пастырь!» Александр грозил насилием: папа в красноречивой булле изъявлял свою радость, что

еретики озаряются светом истины, и присылал в Литву мощи святых. Но ревностные в Православии христиане гнушались латинским соблазном, и многие выехали в Россию. Знатный князь, Симеон Вельский первый поддался государю Московскому с своею отчиною: за ним князья мосальские и хотетовский, бояре мценские и серпейские: другие готовились к тому же, и вся Литва находилась в волнении».

По условиям унии предполагалось, что ее введут только для объединенной державы поляков и литвинов, что во главе ее станет сам Александр Ягеллон, которого будет курировать и опекать Папа Римский. И, наконец, что православные и католики останутся в своей вере, им позволят совершать религиозные обряды по традициям церкви, к которой они принадлежат. Но во избежание «московских влияний» православные просто «сменят» духовное подчинение.

Идеи церковной унии поддерживали и многие влиятельные магнаты Великого Княжества Литовского, в том числе, к сожалению, и из православной среды. Они видели в принятии унии путь для смягчения государствнного кризиса, а вместе с тем и конфликта в семье монарха. Канцлер двора Елены Ивановны, князь Иван Сапега, даже ездил в Москву, где безуспешно пытался найти взаимопонимание с Иваном III. Опасаясь того, что выстоявшая перед посулами и угрозами католического духовенства Елена поддастся соблазну унии, московский государь еще больше уверился в необходимости и неотвратимости войны с Великим Княжеством Литовским. Уния не состоялась.

Те, кто в 1499 году готовили подписание договора Александра Ягеллона и Яна Альбрехта, прекрасно осознавали, что при таком договоре литвинам было бы наивно полагать, что хотя бы когда-либо у них появится правитель православного вероисповедания. Поляки этого не допустили бы.

Видимо, Александр чувствовал, что православные, ведомые Семеном Олельковичем, могут помешать ратификации договора с Польшей на сейме Великого Княжества Литовского. А вторым шагом православных могло бы стать устранение с престола Александра и избрание великим князем Литовским самого влиятельного единоверца — Олельковича. Поэтому было предпринято все,чтобы ослабить политическую позицию князя Семена.

Александр морально поддержал притязания тетки Семена Олельковича, Марии Ивановны, княгини Пинской, которая в очередной раз попыталась доказать свои права на Слуцк.

После того, как, приняв участие в заговоре против Казимира Ягеллона, Михаил Олелькович Слуцкий был лишен жизни, Мария Ивановна как вдова казненного брата пыталась через суд добиться для своего сына Василия прав на Слуцкое княжение. Процесс Мария Пинская проиграла и вынуждена была удовольствоваться Пинском. Владела им одна, потом, когда сын Василий стал совершеннолетним, вместе с ним. В 1495 году после внезапной смерти Василия, который не оставил после себя наследников, Мария правила в Пинске вместе с дочерью Александрой. В 1499 году с молчаливого одобрения великого князя Александра Мария предприняла еще одну попытку отобрать владения у Семена Михайловича Олельковича: на этот раз посредством вооруженного нападения на земли Слуцкого княжества. Семен Михайлович вынужден был обороняться от войска тетки как от вражеского. И эти события по странному совпадению происходили в дни проведения сейма. Естественно, Олелькович на нем не присутствовал. Договор с Польшей был ратифицирован.

Жить в державе, которая замахнулась на самые естественные права своих подданных, было трудно. Но даже во времена «великого исхода» у слуцких Олельковичей выбора не было. Князь Семен не мог перейти под протекцию Москвы «со своею отчиной». Слуцкое княжество находилось в самом центре Великого Княжества Литовского. Бежать же от беды, оставив подданных своих на поругание и произвол, Олельковичи не считали себя вправе. Князь Семен и княгиня Анастасия, у которых к этому времени уже рос сын Юрий, решили разделить участь единоверцев.

Опрометчиво заключенный договор Александра с Польшей и война с Москвой активизировали деятельность крымских татар, которые некоторое время по просьбе Ивана III не тревожили Великое Княжество Литовское.

Впервые с ними, согласно данным хроник, Олельковичи столкнулись летом 1502 года. Татары переправились через Припять и начали грабить белорусские села на север от этой реки. Отряд Семена Михайловича, объединившись с частью великокняжеских войск, срочно вызванных им на помощь, разбил татар на реке Уше. Немногим позже, в конце августа этого же года, шеститысячное войско крымского хана Баты-Гирея подошло к Слуцку. Татары заняли город. Но случчаки затворились в княжеском замке, и он выдержал штурм врагов.

Зима и весна прошли в напряженной подготовке. В связи с военной опасностью по воле князя Семена в Слуцке было ликвидировано Магдебургское право, так как князю необходимо было сильное

войско. Устранив Магдебургское право, он пополнил войско горожанами.

Интуиция не подвела Семена Михайловича: новый татарский набег произошел следующим летом. Враги жгли Несвиж, Клецк и Новогрудок. Отдельные отряды крымчаков направились к Минску и Логойску. Внезапно трехтысячный отряд появился и под Слуцком. На этот раз все было загодя подготовлено к отпору. Правда, князь Семен находился в отъезде. Анастасия, в это время ожидавшая второго ребенка, сама возглавила оборону города. Надев доспехи, она вывела полк против татар в поле. Незваные гости были откинуты от стен города, а за Припятью их догнал подоспевший с подмогой, с отрядами Альбрехта Гаштольда и Юрия Немировича, князь Семен. Через несколько месяцев в княжеской семье родилась дочь Александра.

В середине августа 1505 года Баты-Гирей вновь наведался «в гости» к случчакам. Город отбил несколько атак. Татары пытались поджечь город, взорвать укрепления. Но им это не удалось благодаря прекрасно налаженной обороне. Баты-Гирею пришлось снять осаду. Но, вернувшись в Крым, татары оставили на этот раз в Великом княжестве не только разрушенные города и села, но и страшную болезнь — холеру.

Эпидемия забрала жизни многих людей. Заразился и князь Семен. Или, может быть, он все-таки был отравлен своими недоброжелателями? Не помогло ни лечение, ни молитвы: «...той же осенью месяца ноября 14 дня, со среды на четверг, почил благоверный и христолюбивый князь Семен Михайлович Слуцкий, внук Александров», — сообщает «Хроника Быховца».

Перед смертью князь Семен именно жену назначил опекуншей двенадцатилетнего сына. На слабые женские плечи внезапно легли все дела Слуцкого княжества. Без верных соратников, без народной любви власть было не удержать, тем более женщине, тем более в период военной опасности.

Но княгиня нашла для горожан необходимые слова, чтобы уверить их в необходимости перед лицом всеобщей опасности повиноваться ее приказам. Мало того, Анастасия, как некогда ее отец, Иван Мстиславский, приняла решение пригласить в Слуцк на службу надежных воинов из числа белорусской шляхты. Им доверила она свое войско. Они сумели наилучшим образом подготовить город к новому татарскому нападению. А произошло оно в июле 1506 года. Княгиня была еще в трауре. На этот раз Баты-Гирей пришел не один, а с братом, перекопским султаном Бурнашом.

«И в пятницу, в святой день — на Вознесение Девы Марии — те царевичи пришли под Слуцк, в котором была княгиня Настасья с ребенком Юрием Семеновичем... И встав вкруг Слуцка, прорывались все же к замку, зная, что в нем только княгиня была, и штурмовали замок, подкопы делая да огонь подкладывая. Но мужественно стояли случчаки, которых обязала клятвой и просьбой княгиня Настасья, чтобы единственного наследника своего от насилия поганского твердо боронили. Множество татар под замком полегло, ибо много шляхты да других князей на то время у княгини Настасьи в Слуцке служили».

Татары отошли ни с чем, но они еще не думали сдаваться. От Слуцка они двинулись на Клецк, где и разбили главный лагерь. Оттуда в разные стороны расползлись небольшие отряды грабителей. Один из таких отрядов посягнул на копыльские владения Анастасии. Княгиня тут же послала войска, чтобы в очередной раз проучить наглых татар. Матей Стрыйковский, историк и современник Анастасии, так в стихах описывал копыльские события:

Настасья, княгиня Слуцкая, своих бояр
Послала перехватить трусливых татар.
Много их под Копылем было убито
И горлом у Петрович заплатило мыто.

Этот эпизод имел место в предверии славной для белорусской истории битвы под Клецком. Чувствуя, что угроза державе от крымских татар становится все большей, умирающий король Александр приказал своему полководцу Михаилу Глинскому вести главные войска Великого княжества против ханских сыновей. Талант Глинского принес литвинам блестящую победу. Но слава полководца, который выиграл великую Клецкую битву, не заслонила славы мужественной слуцкой княгини, о которой потомки слагали стихи и песни.

Еще в начале XX века в церкви слуцкого Православного Свято-Троицкого монастыря наравне с иконами были помещены выполненные в иконописной манере портреты слуцкого князя Семена Олельковича и его жены Анастасии Ивановны. Они вошли в историю Беларуси как ратоборцы — защитники православного Слуцкого княжества от набегов крымских татар. И столь велика была заслуга благочестивой княжеской четы в деле охранения веры и Отечества от разорителей, что местные жители почитали их как святых, принося к их изображениям свои молитвы о здравии и благополучии края. Живописное изображение княгини Анастасии имелось также на стене одного из храмов Мстиславского Тупичевского женского монастыря (храм был разрушен в годы Второй мировой войны).

МАТЬ И СЫН

После смерти князя Семена Олельковича его жена Анастасия Ивановна дала обет хранить верность почившему. И полностью посвятила себя детям. Но ей еще предстояло тяжкое испытание. Клецкий триумфатор, Михаил Глинский, решил посвататься к вдовой княгине. Однако не только мужественная и привлекательная женщина интересовала его: Глинский мечтал заполучить еще и Слуцк.

В 1508 году князь Михаил прибыл в Слуцк с великими дарами и целым отрядом православных шляхтичей, которых пригласил быть его сватами. Глинского принимал вместе с матерью пятнадцатилетний княжич Юрий Семенович. В присутствии сына и подданных Анастасия Слуцкая вежливо отказала нежданному жениху. Впрочем, Глинский был настроен решительно. Если, скрепя сердце, он еще мог смириться с потерей желанной женщины, то неприступная твердыня — Слуцк — была ему необходима, потому что в это время князь уже замышлял мятеж.

Мятеж Глинского

Очень скоро после своего Клецкого триумфа князь Михаил оказался в королевской немилости. Король Александр, который последние годы очень болел, умер через пятнадцать дней после разгрома татар под Клецком. А новому государю двух держав, Сигизмунду I, Глинский показался самонадеянным и амбициозным человеком, недостойным тех знаков уважения, которыми он пользовался. Михаил Глинский, объявив себя защитником прав православных, возглавил мятеж против короля.

Собирая сторонников по всему Великому Княжеству Литовскому, Глинский декларировал идею Великого княжества Русского, отдельного от Литвы, со столицей в Киеве. Восстание поддержали друцкие князья и князь мстиславский, жители Орши, Кричева, Гомеля. Не многие участники мятежа знали о неискренности князя Михаила, который в юности отошел ради карьеры от православной веры родителей и принял за границей католичество... Князь Михаил усиленно скрывал от своих православных соратников этот факт биографии.

Отлично понимая, что без внешней поддержки ему не обойтись, Глинский начал переговоры с московским государем Василием Ивановичем, который пообещал, что все города и земли, подчиненные Глинским, достанутся ему, и московские войска туда вступать не будут.

Вскоре армия Михаила Глинского охватила боевыми действиями всю Беларусь. Вместе с русскими войсками он осадил Минск. Отряд Андрея Дождя ходил под Слуцк. Дмитрий Жежемский и Андрей Лукомский двинулись на Новогрудок. Передовые разъезды доходили до Вильно.

Но тут возникли серьезные проблемы. Василий Иванович прислал на помощь Глинскому войска, однако воеводы действовали нерешительно, стремились избегать стычек с армией Сигизмунда. А тем временем король собрал силы. В мае 1508 года он был в Бресте, потом в Слониме. В начале июня его армия вышла к Днепру недалеко от Орши, которую как раз осадили Глинский и московские отряды. Неделю стояли армии одна напротив другой. Потом московские воеводы отвели своих воинов и направились к Вязьме.

Глинский понял: за его спиной ведется большая политическая игра и рассчитывать на помощь союзников больше нечего. Он объявил своим людям, что распускает их, и вместе с многочисленной родней бежал в Москву.

Войско Глинского дважды подходило к Слуцку, штурмовало замок и пыталось поджечь укрепления. Но его встречали пушечным огнем. Неприступная для татар крепость не сдалась и на милость их победителя Глинского.

Юрий Олелькович тоже участвовал в обороне города. Несмотря на свой юный возраст, он совершил поступок, спасший не только родной город от разорения, но и защитивший честь матери. После того, как два штурма Глинского были отбиты, Юрий с небольшим отрядом смельчаков предпринял отважную вылазку, во время которой чуть не подобрался к обидчику матери и не лишил его жизни. Потрясенный Глинский снял осаду.

Вскоре после позорного сватовства Глинского матери и сыну довелось вновь отбиваться от татар, и Слуцк вновь выстоял.

В начале же следующего года мать торжественно сложила с себя опекунские обязанности и передала дела управления Слуцким княжеством Юрию, хотя, учитывая молодость и неопытность сына, Анастасия Ивановна еще несколько лет помогала ему делом и советом. К счастью, годы эти выдались мирными.

Юрий Семенович вместе с матерью занялся восстановлением своего города, который сильно пострадал во время татарских набегов. Были отстроены стены и башни, выдержавшие многочисленные осады. Вместо поврежденной деревянной замковой церкви Успения Пресвятой Богородицы Олельковичи возвели новую каменную.

Мать и сын поставили еще один замок в центре города, перенеся ради этого на новое место торговую площадь. Слуцкая летопись об этом сообщает: «...И теперь княгиня град около града заложила, и низина равноваты ся и подвышаты ся почала». Старый замок получил потом название — Горний (Верхний), а новый — Дольний (Нижний).

В Троицком монастыре княгиня Анастасия и князь Юрий возвели вместо сгоревшей во время осады 1505 года деревянной церкви каменный Свято-Троицкий храм. Он был построен в благодарность Господу за спасение края от татар и в память погибших слуцких воинов.

В мирных заботах время летит быстро. Незаметно князь Юрий из безусого юноши превратился в настоящего мужчину. Первой самостоятельной его инициативой была капитальная реорганизация слуцкого войска, которое вскоре стало еще более могучим.

Слуцкое войско в XVI — XVII веках

В качестве главного в слуцком войске был выделен полк войта, в котором в разные времена насчитывалось от 5 до 10 сотен. Каждая из этих сотен была набрана из разных районов Слуцка. А одна или даже две состояли из так называемых «лёзных людей» — тех, которые были уличены во вредительствах или кражах, отличались буйным нравом, любили хмельные напитки или азартные игры. В состав сотен во время военной опасности включались цеховые военные организации слуцких ремесленников. Эти, наиболее способные к военному делу, горожане время от времени проходили своеобразные сборы, участвовали в военных играх на приз своего князя. Остальные горожане были готовы в любое время встать на стены с камнями, горящей смолой и кипятком.

Между прочим, одной из походных песен слуцких воинов была «Войтовна», в которой рассказывается о том, как отважная девушка просит у своего отца-войта «вострый меч» и идет на войну вместе с мужчинами:

Мечом войтовна махнула —
Полова войска полегла...

Возможно, прообразом этой героини-богатырки стала княгиня Анастасия Ивановна.

Во времена Юрия Семеновича в Слуцке начали отливать пушки и делать ружья. По количеству воинов, которых в случае войны могли поставить магнаты Великого Княжества Литовского, князь Юрий Слуцкий занимал третье место.

Еще больше увеличилось слуцкое войско при сыне Юрия Семеновича Юрии Юрьевиче. Юрий Юрьевич по количеству воинов, поставляемых в войско литовское, с третьего места переместился на второе.

В 1557 году, во время конфликта между Великим Княжеством Литовским и Ливонским орденом, он совместно с младшим братом Семеном привел в лагерь войска Великого Княжества Литовского «четыре тысячи всадников и пешего рыцарства, хорошо вооруженного». В 1564 году Юрий принял участие в боевых действиях против войск царя Ивана Грозного, приведя с собой 1200 гусар и казаков и 1000 пехотицев.

В 1612 году Слуцкое княжество перешло во владения Радзивиллов, которые еще больше усовершенствовали войско. Во времена Радзивиллов оно состояло из сильного гарнизона профессиональных наемников-иностранцев, солдат-пехотинцев, набранных из крестьян, «вольных людей», мелкой шляхты, получившей за службу землю, и вооруженных формирований горожан — городского ополчения. Слуцкое ополчение по праву считалось самым крупным среди ополчений частновладельческих городов. При Богуславе Радзивилле, в середине XVII века, в ополчении насчитывалось 1800 горожан. Полки делились на сотни и десятки. Имелся у ополченцев и свой командный состав из полковников, сотников, подсотников, десятников. Всех ополченцев Слуцка обязали иметь холодное оружие. Немало было и огнестрельного. При обороне города владельцы огнестрельного оружия стояли на стенах вперемежку с теми, кто его не имел. При этом ополченцы владели оружием иногда даже лучше, чем профессионалы. По распоряжению Радзивиллов в городе регулярно проводили занятия по стрельбе и военной «муштре». Для этих занятий отводили специальные места и время. Ежегодно в январе ополченцев призывали на своеобразные трехдневные военные сборы — «пописы». Мужское население должно было построиться по полкам, сотням и десяткам — обязательно с исправным оружием и необходимой амуницией. Тем, у кого обнаруживалась неисправность, грозил штраф в 44 копы литовских грошей. Кстати, с 1521 года в составе городского ополчения имелся отряд кавалерии из состоятельных горожан.

Завершался «попис» соревнованиями по стрельбе. Троих победителей на целый год освобождали не только ото всех видов городских повинностей, но и от чинша — денежного оброка в пользу владельца города.

Неудивительно, что Слуцк до самого конца XVII века считался самым неприступным бастионом в Великом Княжестве Литовском.

Вместе со своим надежным войском Юрий Олелькович неоднократно ходил воевать. В 1511 году он бил татар под Киевом, а в 1514-м — участвовал в битве под Оршей, где войско Великого Княжества Литовского под руководством гетмана Константина Острожского сошлось с войском Великого княжества Московского. Тревожась за сына, который просто рвался в бой, Анастасия Ивановна пыталась укротить его, привязать к дому женитьбой: невестой сына стала княжна Елена Радзивилл. Но это мало помогло. Во время долгих сыновних отлучек, когда он искал славы на марсовых полях, мать вновь принимала на себя роль слуцкой госпожи.

В 1521 году татары в последний раз попытались овладеть Слуцком, но развеять миф о непобедимости случчаков им так и не удалось. Это случилось за два года до смерти княгини Анастасии. Она еще успела вместе с Юрием устроить судьбу дочери Александры, выдав ее замуж за единоверца, благородного князя, гетмана Константина Острожского, который торжественно обещал любить и беречь свою молодую жену. Это была блестящая партия для Александры Семеновны.

Похоронив в 1524 году мать, Юрий Семенович стал полноправным властителем края. Он принял на себя заботы о слуцких жителях, делал богатые пожертвования Грозовскому Свято-Николаевскому и Киево-Печерскому монастырям. Супруга Юрия Принимала участие в его благотворительных делах, хотя по вероисповеданию была католичкой. В брачном контракте Юрия и Елены было указано, что сыновья супружеской четы должны быть крещены в Православие, а дочери — в католичество. Но когда после двоих сыновей у супругов появилась дочь, София, Юрий добивался у короля отмены брачного обязательства. Он хотел, чтобы дочь была православной, и жена-католичка не возражала. Софию крестили в православную веру. К сожалению, позднее, став женой Юрия Александровича Ходкевича, София вместе с ним перешла в католичество. Она была первой из Олельковичей, изменившей вере предков.

КНЯЗЬ ЮРИЙ II ПРОСВЕТИТЕЛЬ

В описании Речи Посполитой, составленном в 1575 году, между прочим, имеются строки: «Находятся в Литве (Великом Княжестве Литовском. — Авт.) знаменитые князья и паны. Первое место среди них держит князь Слуцкий, которого по богатству можно сравнить не с одним итальянским либо немецким князем». Такой уважительной

характеристики удостоился князь Слуцкий и Копыльский Юрий Юрьевич Олелькович, именуемый многими исследователями Юрием II. К сей характеристике можно было бы добавить, что резиденция князя, Слуцк, в описываемое время считалась одним из крупнейших центров православной культуры во всем Великом Княжестве Литовском.

В двенадцатилетнем возрасте Юрий лишился отца. Еще через три года ушла в мир иной и его мать. А поскольку Юрий был старшим ребенком, то ему с двенадцати лет пришлось взять в свои руки управление феодальной вотчиной, занимавшей огромную территорию. Даже в те суровые времена совершеннолетие наступало в шестнадцать лет. Лишь в особых случаях специальным указом монарха разрешалось объявить совершеннолетним осиротевшего последнего представителя какого-либо знатного магнатского рода. Так, например, произошло с четырнадцатилетним князем Константином Василием Острожским. Скорее всего, подобный указ был составлен и для Юрия. Иначе как мог бы он быть назначен опекуном своих младших брата Семена и сестры Софии?

Но не только хозяйственными делами довелось заниматься малолетнему князю. Как представитель династии Ольгердовичей он входил в состав панов-рады Великого Княжества Литовского и должен был присутствовать на их заседаниях, так как король всегда присылал ему персональное приглашение.

Довелось Юрию Юрьевичу принимать участие и в военных действиях. Боевое крещение князь получил в 1557 году, когда вместе с братом Семеном во главе четырехтысячного отряда участвовал в разрешении конфликта между Великим Княжеством Литовским и Ливонским орденом. Позднее он принимал участие и в Ливонской войне. Не под впечатлением ли увиденного и пережитого решил Юрий II превратить Слуцк, который был и без того замечательно укреплен, в город-крепость? Сохранив и укрепив Верхний и Нижний замки, построенные еще его предками, он возвел на восточной окраине Заречья Новый замок: цитадель, прямоугольную в плане, обнесенную земляным валом, с бастионами, на которых размещались пушки. Она полностью соответствовала новейшим по тому времени фортификационным принципам. Территория Старого Слуцка тоже была окружена земляным валом с бастионами, который наполнили водой. Город стал неприступен.

Жизнь за этими укреплениями била ключом. Развивались ремесла — ювелирное, резьба по дереву, обработка металлов, гончарное. В строительстве начали проявляться черты местной архитектурной школы. В Слуцке работали замечательные художники-портретисты.

Уверенность в безопасности способствовала быстрому увеличению населения. Город стал привлекательным даже для иностранцев. Причем, кроме лютеран, впервые появившихся тут еще при отце Юрия Юрьевича, здесь также во множестве поселились и кальвинисты. Протестантов стало столько, что они даже образовали свои общины. Большинство этих людей, судя по всему, были выходцами из Германии. Не зря же площадь, вокруг которой они селились, называлась Саксонской. Но часть иностранцев, да и кое-кто из местных шляхтичей, придерживались католического вероисповедания. Князь как владелец этих земель по феодальным традициям того времени был опекуном храмов всех конфессий, находившихся в его владениях, в том числе и возникшего в Слуцке еще во времена Олельки костела (единственного в княжестве).

Но, конечно же, основное внимание Юрий Юрьевич оказывал православным храмам и монастырям. И среди них особо — Тройчанскому монастырю, которому неоднократно выделял земли с крестьянами. Обители был передан также целый квартал в Слуцке. Князь поощрял ведение в Тройчанах летописания и переписывание книг духовного содержания. Переписывали книги, видимо, отдавая дань подвигу святой Евфросинии Полоцкой, также и члены княжеской семьи. До наших дней дошло полученное монастырем в дар от старшего сына Юрия Юрьевича, тоже Юрия, богато изукрашенное Четвероевангелие, которое тот на протяжении многих лет переписывал собственными руками и закончил незадолго до смерти.

Стараниями князя Юрия II регулярно пополнялась и без того богатая монастырская библиотека. Да и у себя во дворце он имел прекрасный книгосбор, настолько богатый, что поработать с ним почитали за честь не только отечественные, но и зарубежные исследователи.

Так, например, много полезного почерпнул из нее польский историк и поэт Матей Стрыйковский, гостивший при дворе Олельковича в 1576-1578 годах. Именно на основе книг, документов и рукописей из княжеской библиотеки и библиотеки Тройчанского монастыря создал он свою знаменитую «Хронику Польскую, Литовскую, жемайтскую и всея Руси», ставшую первой печатной историей Великого Княжества Литовского. Благодарный Матей посвятил Юрию Юрьевичу следующую свою книгу: «О начале, происхождении, мужестве, рыцарских и общественных делах славного народа литовского, жемайтского и русского».

Сюда же, в Слуцк, прибыл с группой сторонников беглец из русских земель, известный московский церковный деятель, публи-

цист, просветитель нестяжательского течения в Русской православной церкви Аврамий. Этот религиозный вольнодумец осмеливался критиковать сторонников монастырского землевладения, выступать за бедность духовенства, ибо, по его мнению, накопление богатств подрывало авторитет Церкви, и требовать проведения церковной реформы. При всем этом в основных вопросах вероучения и догматических вопросах он сохранял верность позициям официальной Церкви. Аврамий поселился во дворце князя и развил активную полемическую деятельность с идеологами католицизма и протестантизма. В частности, выступал против Симона Будного. В Слуцке организовал кружок ученых-богословов. Руководил также школой, основанной Юрием Юрьевичем совместно с двоюродным братом Константином Василием Острожским при своем дворе. В этой школе изучали богословие, церковнославянский, древнегреческий и латинский языки, основы ряда точных наук. Приютил слуцкий князь и еще одного беглеца, Марка Саригозина. Ему и поручил он руководить школой после того, как в 1570 году скончался Аврамий.

Юрий Юрьевич искал себе супругу из числа православных; однако знатных семейств, сохранивших верность Православию, в Великом Княжестве Литовском оставалось очень и очень немного. Тогда он женился на умной и доброй дочери краковского воеводы Станислава Теньчиньского — Катажине. Мать этой девушки происходила из православной семьи Богушей. А Богуши были из числа слуцкой мелкой шляхты. Несмотря на то, что княгиня Катажина оставалась католичкой и даже имела в духовниках знаменитого иезуита Петра Скаргу, который, кстати, пытался изощренно воздействовать на ее сыновей, чтобы перевести их в католичество, Теньчиньская участвовала в большинстве фундаций мужа, сделанных в пользу православных церквей и монастырей, чем заслужила от Юрия Юрьевича уважительное обращение «добрая женка». Поворотным событием в жизни княжеской семьи стала Люблинская уния.

Люблинская уния

Победы русского оружия в Ливонской войне привели в замешательство Сигизмунда II Августа. Слабый правитель, в поисках выхода из затруднительного положения он пошел по проторенной предшественниками дорожке: согласился обезопасить Великое Княжество Литовское путем еще более близкого союза с Польшей. На этот раз польское магнатство предложило объединение двух стран в одну. И король согласился. На сейме в 1564 году он выступил перед

подданными с таким предложением, но тут же натолкнулся на яростное сопротивление магнатов и шляхты Великого Княжества Литовского, которые прекрасно понимали, что для них будет означать такое слияние держав: утрата всех вольностей и привилегий, полное подчинение польским законам, польский быт, польское образование, польская вера. Самым горячим патриотом оказался князь Миколай Радзивилл Черный, который, кроме всего прочего, встал на защиту привилея о равноправии вероисповеданий.

В гневе Миколай Черный заявил, что поляки «так льнут к Литве, как пчелы на мед». Однако этот яростный защитник независимости Великого Княжества Литовского умер в 1565 году, а остальным не хватило для борьбы последовательности, влияния, твердости или принципиальности.

И вот 10 января 1569 года в Люблине открылся знаменитый сейм. Главным вопросом его была уния. Вельможи и шляхта Великого Княжества Литовского приехали сюда неохотно. Прежде чем начать переговоры, они потребовали от короля подтвердить сохранение независимости Литвы. Никаких гарантий им не дали. Начались бурные заседания, после которых на улицах доходило до драк. Шляхта двух стран скрещивала оружие, отстаивая свои взгляды. Наконец, литвинам это надоело, и 1 марта они покинули сейм.

Казалось, без представителей одной стороны уния невозможна. Однако Сигизмунд Август заявил, что считает дело объединения решенным, а потому особыми привилеями стал присоединять земли Великого Княжества Литовского к Польше. Западные агенты принялись оказывать давление на отдельных депутатов, убеждая их вернуться. В дело пошли угрозы и подкуп. Так к Польше были присоединены Подлесье, Волынь, Подолье и Киевская земля. Территория Великого Княжества Литовского уменьшилась вдвое. Ни одна война не приносила таких потерь этому государству, как дружественная помощь Королевства Польского. Гордые магнаты Литвы склонили головы и со словами «Однако волю государя готовы исполнить» вернулись на сейм в Люблин. Жемайтский староста говорил, что посланцы Великого Княжества Литовского чувствовали себя как рабы Польши. 1 июля 1569 года был подписан акт окончательной унии. На сейме было провозглашено: «С этого времени оба государства представляют собой одно нераздельное тело, а также одну общую Речь Посполитую, в которой оба господаря и оба народа объединились в единый народ и единое государство».

На Люблинском сейме Юрий Юрьевич не присутствовал. Когда же к нему прибыли официальные лица с предложением подписать присягу на верность королю новообразованной Речи Посполитой, он наотрез отказался, так как после заключения Люблинской унии слуцкий князь не был введен в состав новообразованного верховного органа власти — Сената Речи Посполитой. Ссылались на то, что в сенат попадают только особы с высшими государственными должностями, а близкое родство с династией Ягеллонов утратило свою силу, поскольку в Речи Посполитой король выборный. Но Юрий Юрьевич понял, что главная причина заключается в его поддержке Православия, и начал добиваться восстановления своего права. Весной 1577 года новый король — Стефан Баторий — включил Олельковича персонально в состав сената.

Но радовался слуцкий князь этому недолго. Осенью следующего года Юрий Юрьевич слег. В октябре он написал завещание, по которому жене Катажине Теньчиньской оставлял 60 тысяч злотых и в пожизненное владение поместья Турец в Новогрудском уезде, Старое Село, Тонву и Скирмонтово в Липецком уезде да поместья в Вельском уезде на Подляшье. Слуцкое княжество и владения в других местах разделил между сыновьями Юрием III, Семеном и Александром. Обязал их совместно опекать Троицкий монастырь. Убеждал сохранять верность Православию. Умер Юрий II Юрьевич 9 ноября в своем слуцком дворце, а в апреле 1579 года был погребен в Киево-Печерском монастыре, где покоился прах его предков.

СИМВОЛ НАШЕЙ ДУХОВНОСТИ

Говорят, святыни посылаются народу как награда за стойкость и непоколебимость в делах веры. Утрату их можно считать знаком того, что люди становятся недостойными деяний предков своих. Но иной раз святыни, которые считаются утраченными навсегда, чудесным образом возвращаются. Такая судьба у «Слуцкого Евангелия» — бесценного артефакта XVI века.

В те далекие времена, когда большинство книг еще были рукописными, создание фолиантов могло быть приравнено к подвигу. Обычно эту титаническую работу принимали на себя монахи и монахини. Самые выносливые, самые терпеливые, смиренные и одновременно охваченные идеей служения ближнему своему. Их послушание считалось самым трудным — ошибки в тексте были недопустимы. Удерживать свое внимание, на словах и предложениях, не выходя из состояния молитвенной сконцентрированности, удавалось далеко не

каждому. Надо было слиться с работой всем существом своим. За каждой такой книгой стояла личность переписчика, в большинстве своем — неординарная. Каждая хранит конкретную человеческую историю.

В Праге в костеле святого Вита хранится Евангелие, по размерам меньшее, чем коробок спичек. Чешская монахиня, которая переписывала его, потратила на это 30 лет жизни. И, написав последнюю букву, ослепла...

Не менее драматична история Евангелия, переписанного в 1582 году в Слуцке. Тем более, что возникновением своим эта книга обязана даже не монашеского чина особе. Евангелие собственоручно переписал слуцкий князь Юрий III Юрьевич Олелькович, посвятив этот труд памяти набожных своих родителей. Книга, созданная православным князем в эпоху гонений на его веру со стороны униатов, стала своеобразным завещанием Юрия Юрьевича подданым своим во времена тяжких сомнений и искушений. Чтобы держались в вере отцов, чтобы были тверды и стойки и чтобы ничего не страшились, кроме погибели души своей. Написано Евангелие церковнославянским языком уставом в 2 строки по 20 страниц коричневыми чернилами с использованием киновари и золота. Есть цветные заставки. На первой странице книги надпись, которую оставил духовник князя Олельковича, настоятель Слуцкой Варваринской церкви Свято-Троицкого монастыря протопоп Малофей. Из надписи этой становится известно, что на переписку князь отдал 1000 дней своей жизни и окончил труд уже тяжелобольным. Болезнь и неспокой в Речи Посполитой, утверждает Малофей, укоротили жизнь князя. Умер Юрий в 1586 году, не дожив до 27 лет.

Евангелие же, переданное им в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь, оставалось там до XX столетия. Правда, в 1889 году «Слуцкое Евангелие» возили в Москву на археологическую выставку, где исследователи признали его уникальносць. Но тогда святыня вернулась в город князя Юрия.

В 1914 году Слуцкий артефакт был внесен в список наиболее ценных исторических предметов, которые в первую очередь подлежат спасению от пламени Первой Мировой войны. Документ этот сохранился и находится в Российском историческом архиве в Петербурге. Правда, эвакуация перечисленных в нем редкостей, судя по всему, осуществлена не была. Между прочим, Евангелие, как и другие дары князя Юрия Слуцкому Свято-Троицкому монастырю — серебряный с гравировкой и чеканкой потир и серебряный литой настоятельский

посох — хранились там до самой Октябрьской революции. Только в начале 1920-х годов все эти реликвии были реквизированы и переданы в Минский государственный музей. В музейных фондах «Слуцкое Евангелие» находилось до 1929 года. А после — в связи с тем, что столицу БССР планировалось перенести в Могилев — его передали в тамошний краеведческий музей. А вскоре святыня очутилась в комнате-сейфе здания Могилевского обкома партии. Кстати, в списке ценностей, которые находились в этой самой комнате-сейфе перед Великой Отечественной войной, значится также чудотворный Крест святой Евфросинии Полоцкой, коллекция икон XIII-XVIII веков, несколько золотых вещей из раскопок Помпеи... Всего же тут насчитывалось двадцать тысяч уникатов. И все они бесследно исчезли в годы Великой Отечественной войны. Как будто бы во время эвакуации. Вроде бы, уже даже довезенные до Москвы... Пропавшим считалось и Евангелие. Но однажды...

Скромный священник одного из приходов Минской Епархии по просьбе столичной жительницы совершил чин отпевания ее брата. После окончания обряда женщина решила подарить священнику старую церковную книгу, которая давно хранилась в их доме. Вспомнила, что брат некогда вынес ее из охваченного пламенем здания. И хотя книга и ему, и сестре, в принципе, была не нужна, ее берегли. Старая... красивая... духовная... Священник отвез книгу домой. А спустя некоторое время передал в Минскую епархию.

Предисловие протопопа Малофея, внешний вид, который подходил под сохранившиеся описания «Слуцкого Евангелия», в конце концов, музейный инвентарный номер — все свидетельствовало об обретении потерянной святыни. Однако решено было все-таки провести экспертизу. Потому что были, к сожалению, уже случаи, когла за известный артефакт принимали его копии или вообще подделку. Экспертиза подтвердила — это настоящая рукопись XVI века. Это — «Слуцкое Евангелие».

Сегодня вернувшаяся святыня хранится в Домовой церкви Собора белорусских святых при Минском епархиальном управлении.

Слуцкая сиротка

ОПЕКУНЫ

Маленькая девочка, дочь князя Юрия III Юрьевича

Олельковича и его супруги Барбары Катажины Кишки, родилась в мае 1585 года. Весенний Слуцк встретил это событие церковным звоном и птичьим пением. Казалось, сама природа дает добрый знак новорожденной. Кто бы мог подумать о беде! Тем не менее, она случилась очень скоро.

Первой покинула этот мир мать девочки. Она не смогла перебороть горячку, которая охватила ее на второй день после родов. Барбара Катажина даже не присутствовала на празднестве, устроенном в честь крещения ее дочери. И, наверное, даже не ведала, что крещена была София в веру отца, Православие, хотя, согласно правилам того времени, должна была бы стать католичкой, как мать. Правила эти были выработаны юридической практикой специально для супругов с разным вероисповеданием. Мальчиков как продолжателей родовой славы и традиций воспитывали в вере отцов, девочек крестили в веру матерей. Тем не менее, заботясь о душе любимой дочери, а может, и предчувствуя собственную скорую кончину, князь Юрий решился нарушить брачную договоренность с семьей супруги.

Он умер в 1586 году, не прожив и года после похорон Барбары Катажины. После смерти отца маленькая княжна получила в наследство третью часть родового богатства Олельковичей и перешла под опеку двух дядей-холостяков — Яна Семена и Александра. Конечно же, сами они, несмотря на солидное образование, полученное за границей, ума бы не приложили, как управиться с малышкой, которой только-только исполнился год. Нужна была помощь женщины, ее добрые руки и ласковое слово.

Обучение магнатских сыновей

Образование в Великом Княжестве Литовском имело религиозный характер. При православных и католических храмах действовали приходские и кафедральные школы. Основной задачей кафедральных школ была подготовка священнослужителей, однако они выполняли и общеобразовательные функции. Реформаторы (протестанты разных течений) создавали кальвинистские, лютеранские, арианские и другие школы. В середине XVI века только на Беларуси

было возведено почти 200 кальвинистских сборов (зданий для богослужения). При них действовали школы, в которых высокообразованные люди с европейским уровнем знаний преподавали математику, историю, географию, природоведение, латинский язык, считавшийся языком литераторов и ученых того времени, старобелорусский язык, бывший государственным в Великом Княжестве Литовском.

Во второй половине XVI столетия получили распространение школы при православных братствах. Наибольшую известность снискала школа, основанная в 1576 году в городе Острог стараниями князя Константина Василия Острожского. Эта школа имела три степени обучения, соединяла в себе начальную и среднюю школы с основами высшей. В основу ее программы была положена западноевропейская система «семи свободных наук». В Острожской школе, которая довольно скоро получила широкую известность во всех восточнославянских землях и стала называться в народе Острожской академией, изучали грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Большое внимание уделяли греческому и церковнославянскому языкам. Преподавали также философию и богословие. Владелец Острога сам нашел для своего детища «мужей, в божественном писании искусных, в греческом и латинском паче и в русском языке умелых». Он же основал школы в Турове и Слуцке. Содействовал появлению православных школ на Полесье, во Владимире-Волынском и Львове, финансово поддерживал братскую школу в Вильно.

Далеко не все магнаты отправляли своих детей в школы. Начальное образование, соизмеримое с требованиями родителей, наследники знатных и богатых семейств могли получить и в домашних условиях стараниями специально нанятых для этого учителей. Высшее же образование довольно долго у знати было не в моде. И действительно, деньги и титул магнатов давали им возможность занять любую высокую должность в державе и сделать любую карьеру, в отличие от детей горожан и мелкой шляхты, которым необходимо было получить высшее образование, чтобы обрести достойное место в обществе и надежный достаток.

Возникновению моды на высшее образование среди магнатов способствовал Стефан Баторий — первый на престоле страны государь с высшим образованием. В юности Баторий окончил Падуанский университет, и это во многом способствовало раскрытию его талантов. Именно король Стефан образовал в 1579 году первое в Великом Княжестве Литовском высшее учебное заведение — Виленскую академию. Она выросла на базе виленского иезуитского

коллегиума. Несмотря на то, что академия находилась под протекцией католического Ордена, сюда за знаниями отправляли своих детей не только католики, но и протестанты, и православные. А поскольку обучение у иезуитов было бесплатным, то академия была доступна для пытливых юношей из семей разного достатка. Безусловно, лояльность к вероисповеданию студентов была во многом показной. Всю программу обучения в академии выстраивали так, чтобы обучающийся постепенно стал активным сторонником католичества.

Впрочем, при всех достоинствах отечественного высшего образования магнаты предпочитали отправлять детей учиться в иные страны. Приятное двух- или даже трехлетнее путешествие по Италии, Франции, Германии очень скоро вошло в традицию многих знатных семей. Учеба не была главным делом «княжат» в период этого путешествия. Но все-таки они посещали лекции модных профессоров и кое-что усваивали. Обучение обычно не ограничивалось пребыванием в одном университете. Магнатские дети распределяли время пребывания за границей на два-три высших учебных заведения, тем более что за пределами Великого Княжества Литовского таковых было немало: университеты Краковский, Падуанский, Пражский, Лейпцигский, Кралевицкий... Кстати, герцог Прусский Альберт, во владениях которого находилось последнее из перечисленных учебных заведений, выделил в 1545 году специальные стипендии для студентов из Великого Княжества Литовского. Литвинов с распростертыми объятиями ждали и в Баварии, в широкоизвестном иезуитском университете в Ингольмштадте. А еще за границей юноши могли пообщаться с наиболее известными европейскими полководцами, послужить под их руководством, принять участие в какой-либо военной кампании. Одним словом, набраться боевого опыта и командирских навыков, чтобы затем применить их на службе у своего короля.

И вот ради сиротки-племянницы двадцатипятилетний Ян Семен решает жениться. Невесту себе он находит быстро, свадьбу не откладывает. К венцу идет, не успев еще снять траура по старшему брату. В результате в Слуцке появляется молодая госпожа, дочь гетмана Коронного и воеводы подольских земель Миколая Мелецкого, Зосенька. Она стала ангелом-хранителем раннего детства слуцкой сиротки. Зосенька любила детей и мечтала сама родить троих или даже пятерых малышей. Однако добрую женщину в супружестве с Яном Семеном ожидало жестокое разочарование. Четыре года семья

безуспешно ждала появления ребенка. В 1590 году Небесами была им послана недолгая радость. Зосенька родила дочку, а через год схоронила ее.

1591-й год стал поистине черным для рода Олельковичей. В этом году непонятная болезнь свела в могилу младшего из опекунов Софии, двадцативосьмилетнего дядю Александра. А в следующем, 1592 году, за ним последовал и дядя Ян Семен.

Ян Семен и Александр Олельковичи

Средний сын Юрия II Юрьевича родился около 1560 года. В честь прославленного предка, князя-ратоборца, его назвали Семеном. В 1563 году в семье появился младший сын, названный именем основателя рода, Александр. Заботясь об образовании детей, отец учил их в основанной им при своем дворе православной школе, мечтая выправить позднее за границу для обучения «рыцарской науке» под присмотром «доброго, достойного, шляхетного, почтительного и бывалого человека». Умирая в 1578 году, Юрий II Юрьевич «в полном уме и доброй памяти» составил завещание, в котором препоручал жене своей, Катажине Теньчиньской проследить за тем, чтобы княжичи обязательно прошли двух-трехлетний курс обучения в прославленных европейских университетах.

Согласно этому же завещанию, Слуцкое княжество было разделено на три более-менее равнодостойные части. Князь не хотел, чтобы его сыновья передрались из-за наследства. Старший из них, Юрий, получил во владение часть города, именуемую Старый Слуцк с Верхним и Нижним замками, деревни Ивань, Погост, Вызна, Заушицы, Беличи. На землях его удела оказались Морацкий Успенский и Слуцкий Ильинский монастыри.

Семену достался Новый Слуцк с Новым замком, имения Амговичи, Тимковичи, Савичи, а также город Копыль с окрестностями и город Новый Двор.

Александру были выделены большое предместье Остров и деревни Глуск, Любань, Шостаки, Брановичи, Баславичи, Грозово.

Умирающий князь завещал сыновьям жить дружно, опекать Слуцкий Троицкий монастырь, не отбирать у обители пожертвованного ей предками и твердо держаться православной веры.

Сразу же после вступления сыновей в право наследования овдовевшая княгиня Катажина выправила сыновей на учебу с верным, как ей казалось, человеком, которому поручила распоряжаться деньгами

за княжеских детей и выдавать им их по своему усмотрению. Братья выправились в путь в 1580 году.

Из Слуцка — в Краков, из Кракова — во Вроцлав, где благоразумно сменили свою одежду на новомодную западноевропейскую, и Олельковичи пересекли, наконец, немецкую границу. Там их пути временно разошлись. Младшие высказали желание познакомиться со знаменитым Ингольмштадским университетом и поехали в Баварию, Юрий же выбрал для себя Италию. Сначала был Милан. Тут догнал его Семен, которому, видимо, не пришлась по нраву мрачная атмосфера Германии. В Болонье братьев нашел и Александр, который после отъезда Семена недолго выдержал немецкую науку.

В Италии довелось братьям изведать стыд и позор, потому что наглый «ахмистр», посланный с ними, чтобы заботиться о их быте и здоровье, отказывался выдавать молодым князьям деньги и на покупку надлежащей их положению одежды, и на еду, и даже на лекарства. Олельковичи вынуждены были брать деньги взаймы у случайных знакомых, закладывать фамильные драгоценности и... писать матери длинные разъяснительные письма. Немало времени прошло, пока княгиня Катажина поняла в чем дело, и выслала в Рим другого доверенного, отозвав обидчика ее детей. Но за это время Семен уже сдружился с местными католиками, которые оказались заботливыми и чуткими к его материальным проблемам. Новые друзья поспособствовали тому, чтобы Семен увлекся католицизмом. И римские преподаватели тут же взяли юного князя в оборот. Семен стал католиком и, вернувшись на родину, уже именовал себя не иначе как Ян Семен.

Колебался в вопросах веры, как выясняется, и младший Олелькович. Но если Семена привлекало католичество, то Александр всерьез увлекся протестантизмом, когда пребывал в Ингольмштадте. Вольный дух лютеранства и кальвинизма восхитил Александра. Только юность и недостаток дерзости спас Олельковича от греха.

О том, что Александр Олелькович остался православным, свидетельствует его погребение в Слуцком Троицком монастыре. Ян Семен после смерти упокоился в Люблинском костеле иезуитов.

Бездетная Зосенька у смертного одра мужа просила его назначить племяннице таких опекунов, чтобы ей можно было не разлучаться с малышкой. И умирающий объявил опекунами двоих ближайших друзей из числа средней шляхты. Увы, им не удалось даже приступить к своим обязанностям, потому что шестилетняя София, после смерти дядей внезапно ставшая наследницей всех богатств

Олельковичей, привлекла к себе пристальное внимание дальних родичей, двоюродных дядей Ходкевичей.

У деда Софии, Юрия II Юрьевича была сестра, тоже София. Она вышла замуж за каштеляна трокского Ежи Ходкевича. И вот теперь повзрослевшие и даже уже немолодые сыновья этой четы, Ежи и Героним, заявили, что готовы сами позаботиться о судьбе слуцкой наследницы. Софию увезли в Вильно, приставив к ней лучших нянек и воспитателей. Впрочем, не желая портить отношения с тетушкой Софии, они обещали Зосеньке Мелецкой, что в любое время та беспрепятственно сможет видеться с племянницей. В Виленском дворце Ходкевичей молодая вдова и познакомилась со своим вторым мужем. Им стал племянник Ежи и Геронима Ян Кароль Ходкевич. Свадьба состоялась, и тетушка Зося навсегда исчезла из жизни слуцкой сироты.

Зофья Мелецкая и Ян Кароль Ходкевич

Ян Кароль Ходкевич женился на Зосеньке в 1593 году. В то время ему было уже за тридцать. Учился в Виленской академии и Ингольмштадском университете, холостяковал, мечтая о настоящей возвышенной любви, о «восторженной панне, чистой и целомудренной». И неожиданно встретил ее в лице молодой бездетной вдовы Яна Семена Олельковича.

УЗосеньки и Яна Кароля родилось двое детей: сын Героним и дочь Ганна Схоластика. Но счастья семье было отпущено немного. Сын умер в пятнадцатилетнем возрасте. Муж и жена постоянно находились в разлуке, потому что долг верного королю рыцаря требовал от Яна Кароля участия в военных действиях. В 1595 году Ходкевич ходил походом на мятежных казаков Северина Наливайко. В 1599 году он воевал в Молдавии, защищая господаря Иеремию Могилу, вассала Речи Посполитой, от претендента на его престол — валашского воеводы Михая Храброго. После Молдавии был военный поход против шведов, в котором Ходкевич как полководец одержал блестящую победу под местечком Белый Камень. В 1605 году Ян Кароль, уже ставший гетманом великим Литовским (он получил эту должность после смерти Криштофа Радзивилла Перуна), прославился как герой Кирхгольмской битвы. В этой битве шведы потерпели серьезное поражение и сдали Ходкевичу Ригу.

Спустя несколько лет Сигизмунд III послал Яна Кароля в Москву выручать польский отряд, осажденный русским войском в Кремле.

Разлученные войнами, Ян Кароль и Зосенька писали друг другу письма, полные любви, нежности и множества подробностей, связанных с окружающей их действительностью. Кто бы мог подумать, что письма эти, старательно сохраняемые супругами для потомков, через триста лет будут извлечены любопытной рукой из частного архива и станут всеобщим достоянием! Филологи объявили их шедевром эпистолярного жанра, а историки — ценнейшим источником сведений о XVII столетии.

Зосенька Мелецкая умерла в 1618 году. Ян Кароль пережил ее всего на три года.

А тем временем Ежи и Героним усиленно добивались официального права на опеку. Завещание магната могло быть нарушено только по решению короля. И поэтому Ходкевичи слали одну за другой апелляции к Сигизмунду III. Опекуны, назначенные Софии дядей Яном Семеном, просили защиты у самого могущественного рода Великого Княжества Литовского — Радзивиллов. Радзивиллы не желали возвышения и обогащения Ходкевичей. Кроме того, опекунство над Слуцким княжеством неминуемо принесло бы тем и богатство, и власть. Некоторое время Радзивиллы деятельно убеждали короля, что Ходкевичам в их прошении надобно отказать. Но в конце концов Ежи Ходкевич, женатый на княжне из рода Радзивиллов, сумел найти способ договориться с политическими конкурентами. Он обещал выдать в дальнейшем Софию замуж за одного из Радзивиллов, а именно за Януша — наследника гетмана великого Литовского Криштофа Миколая Перуна.

Криштоф Миколай Радзивилл

Он был видным представителем биржанско-дубинской, кальвинистской ветви рода Радзивиллов. Прославился на военном поприще. Боевое крещение получил в 17 лет в Ливонской войне. Дебютировал в 1564 году в Ульской битве и уже через два года получил чин ротмистра конной роты. В дальнейшем не столько из-за происхождения, сколько благодаря мастерству полководца сделал блестящую военную карьеру.

Криштоф Миколай участвовал в войне Речи Посполитой и Московского государства. В 1580 году Радзивилл захватил Усвятский замок и разбил русскую армию под Великими Луками. В августе — октябре 1581 года совместно со старостой оршанским Филоном Кмитой-Чернобыльским во главе шеститысячного отряда провел

рейд по глубоким тылам противника. Дошел до верховьев Волги, захватив города Ржев и Старицу. Этот рейд вкупе с осадой войсками Речи Посполитой Пскова вынудил царя Ивана IV Грозного заключить перемирие и в следующем году подписать мирный договор. Таким образом, Криштоф Миколай оказал державе неоценимую услугу, поспособствовав прекращению 25-летней кровопролитной войны. Он получил от современников прозвище Перун, а от короля — должность каштеляна трокского и, одновременно, подканцлера Великого Княжества Литовского. Радзивилл стал одной из самых влиятельных персон в государстве, одним из тех, чьим мнением невозможно было пренебречь. Между прочим, Перун ратовал за политическую самостоятельность Великого Княжества Литовского, но при всем при том был сторонником мирных отношений с Московской державой.

Во время бескоролевья, наступившего после смерти Стефана Батория, Криштоф Миколай ратовал за избрание на королевский престол русского царевича Федора Ивановича. Планировал объединить Великое Княжество Литовское, Польшу и Россию в единое федеративное государство, возглавляемое великим князем. После избрания на престол Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы противился проводимой новым государем политике католизации страны. Перун выступал за свободу вероисповедания и защищал права протестантов и православных, чем не раз навлекал на себя гнев монарха.

В 1594-1596 годах, будучи уже в должности гетмана великого Литовского, Радзивилл возглавил борьбу с повстанцами Северина Наливайко.

Похоронив двух жен, Криштоф Миколай выбрал себе в супруги Катажину Теньчиньскую, овдовевшую бабушку Софии Слуцкой. Пережил и ее (он был женат четыре раза). Криштоф Миколай отличался веротерпимостью. Один раз он вступил в брак с протестанткой, другой — с католичкой. Дважды его женами становились православные.

В 1630 году Перун возглавил немногочисленные войска Великого Княжества Литовского в спровоцированной Сигизмундом III Вазой в Прибалтике войне со Швецией. Одержал несколько побед, но из-за нерасторопности короля, не приславшего вовремя коронную (польскую) армию, не смог развить успех. В 1602 году тяжелобольной Радзивилл был вынужден оставить войска и вернуться на родину. Через год его не стало.

Такое решение устроило сразу всех. Главным распорядителем и опекуном был назначен староста жмудский — князь Ежи Ходкевич. А в 1594 году было подписано брачное соглашение между двумя магнатскими семьями. Невесте в то время едва исполнилось девять лет, жениху было пятнадцать.

После смерти Ежи Ходкевича в 1595 году его брат Героним, принимая опеку на себя, подтвердил обещание, данное Радзивиллам. Между прочим, была даже определена дата предстоящего бракосочетания — 6 февраля 1600 года — с единственной оговоркой, сделанной, на первый взгляд, исключительно в интересах юной невесты. Брак может не состояться в том случае, если повзрослевшая София заявит о своем несогласии. На самом деле Ходкевич совершенно не опасался непокорности воспитанницы. Соответствующий пункт в договор был внесен им «на всякий случай», чтобы иметь вескую и мотивированную причину для отказа семье жениха. Не известно даже, когда сообщили самой Софии, что ее просватали. Во всяком случае, до 1596 года она с Янушем не встречалась.

Архивы сохранили совсем немного документов того периода, в которых упоминалось бы имя Софии. Известно, что по воле опекуна жила она то в Виленском дворце Ходкевичей, то в Бресте, иногда появлялась в родном Слуцке, конечно же, не без опекунского сопровождения. Когда такое происходило, горожане радовались, приносили дары в княжеский замок и приветствовали свою княжну на улице громкими восторженными возгласами. В большинстве своем православное население Слуцкого княжества видело в последней представительнице рода Олельковичей будущую защитницу веры их предков. То, что девочка остается православной, несмотря на католическое окружение, внушало надежды. А их оставалось так немного для православных в державе Сигизмунда III! Особенно после принятия в 1596 году Брестской церковной унии.

Брестская церковная уния

Король Сигизмунд III Ваза был государем непопулярным, косным, малообразованным, бездарным как полководец. Зато именно при нем иезуитам удалось добиться церковной унии, подчинить часть православной церкви Папе Римскому. И это деяние преследовало отнюдь не только религиозные цели, как может показаться на первый взгляд. Уния призвана была раз и навсегда искоренить самую мысль о единстве восточных славян, сделать белорусов послушными подданными польских королей.

Иезуиты начали издалека. В течение почти четверти века, сознательно применяя подкуп, угрозы, административное давление, они продвигали на высшие должности в «западнорусской церкви» своих ставленников. Люди эти были, как правило, шляхетского происхождения и не отличались большим благочестием: Михаил Рагоза, Ипатий Потей, Кирилл Терлецкий...

Сигизмунду III иезуиты внушили, что сохранить целостность Речи Посполитой можно только через церковную унию, которая оторвет белорусов и украинцев от их единоверцев в Русском государстве. Король с охотой согласился. Представители «западнорусской церкви», ставленники иезуитов, отправились в Рим, где, вопреки воле народа, просили папу Климента принять власть над православной церковью.

В церкви Св. Николая в Бресте по повелению короля Сигизмунда III, 6 октября 1596 года открылся Собор западнорусской православной церкви. Собор этот был малочислен и не представлял все духовенство и паству. 9 октября была провозглашена уния. Создавалась греко-католическая, или униатская, церковь. Она принимала некоторые догматы католицизма, а, главное, признавала папскую власть. При этом обряды, церковный язык, убранство храмов оставались православными.

Король пообещал уравнять униатское духовенство с католическим в правах. (Правда, обещания этого не выполнил.) Организаторы унии специально перенесли начало Собора с 8 на 6 октября, чтобы в город не успели приехать сторонники православия. Но в Бресте все же собрались делегаты со всей страны, чтобы заявить о своем протесте. Их возглавлял князь Константин Василий Острожский, едва ли не последний православный магнат. Однако делегатов, не согласных с униатами, не допустили в храм. Они собрались в обычном доме и провозгласили себя настоящим западнорусским собором. Православный Собор в Бресте издал постановление, которое справедливо утверждало, что дело унии с Римом должны решать не несколько епископов, а Вселенский Собор. Православные избрали новых архиереев. Проезжавший через Киев иерусалимский патриарх рукоположил их. Простые белорусы и украинцы отшатнулись от сторонников унии. Современники говорили, что уния-то есть, но паствы-то нет.

Слуцк и тридцать православных приходов случчины тоже не приняли унии. Нашелся лишь один священник-перебежчик. За неимением иных именно его униатский митрополит Михаил Рагоза торжественно объявил своим слуцким наместником. Тогда возму-

щенные случчаки закрыли перед «изменником» городские ворота. Проникнуть в Слуцк «наместник» так и не сумел.

Впрочем, надежды, связываемые случчаками с юной Софией, были довольно хрупки: слишком рано потеряла княжна отца, некому было воспитывать ее в почитании веры предков. Был ли у маленькой Софии хотя бы духовник, добрый пастырь, ведущий ее по пути преодоления соблазнов? Трудно сказать. Зато хорошо известно, что в семье Ходкевичей слуцкую сиротку настойчиво водили на богослужения в костелы и принуждали принимать участие в религиозных церемониях католиков. Видимо, семья опекуна уже твердо решила, что София должна будет перейти в католичество, но чтобы не быть обвиненными в произволе, терпеливо ожидали совершеннолетия воспитанницы. Вот только забота ли о «спасении души» сироты руководила Геронимом Ходкевичем? Был ли Героним фанатичным католиком, таким, как король Сигизмунд III?

Магнатский род Ходкевичей вел свое начало от киевского боярина Федьки (Ходьки) Юрьевича. Верой Ходкевичей на протяжении трех поколений было исключительно Православие. Именно они были основателями и благодетелями прославленной святыни — Супрасльского Благовещенского мужского монастыря.

Первыми «оценили» преимущества перехода в католичество сыновья новогрудского воеводы Александра Ходкевича. И среди них — родитель опекунов Софии, Ежи и Геронима, каштелян трокский Юрий. Принимая католичество, Юрий Александрович Ходкевич настоял на переходе в эту веру и своей супруги, урожденной Олелькович. После этого в роду слуцких князей о Ходкевичах говорили не иначе, как о «выкрестах», приспособленцах и «душепродавцах». К этому «общеродовому греху» присоединились чрезвычайная скупость и стяжательство, которыми, безусловно, страдали наследники «выкреста».

Согласно свидетельствам современников, Героним Ходкевич довольно часто и охотно запускал руку в наследство своей воспитанницы. Семья его имела нахальство подолгу жить в Слуцком замке, пользуясь почестями, положенными только владельцам города, и опустошая вместе со своей свитой и гостями местные закрома и винные погреба. При этом сама София по воле Ходкевичей находилась где-нибудь в Бресте или Новогрудке. В 1595 году «слуцкое сидение» семьи опекуна настолько затянулось и ввело случчаков в такие расходы, что горожане с радостью открыли ворота казацкому войску Северина Наливайко. Трясущихся от страха жену и детей Ходкевича

казаки не тронули, но забрали с собой 12 лучших слуцких пушек, 80 гаковниц, 700 ружей. Кроме этого Наливайко потребовал для своего войска 5 тысяч коп грошей литовских (около 384 кг серебра).

Переход Софии в католичество, видимо, был нужен Герониму Ходкевичу для того, чтобы девушка-наследница не могла рассчитывать на заступничество своих единоверцев, православных, объединившихся для обороны от нашествия католицизма в братства.

Православные церковные братства

Братства произошли от знаменитых славянских братчин Древней Руси и начали возрождаться в середине XVI века. Важнейшими братствами в Речи Посполитой были Виленское и Львовское. Королевские власти неоднократно пытались закрыть их. Но братчики испросили благословения у патриархов Константинопольского и Антиохийского, которые следовали через земли Речи Посполитой в Москву. После этого, считалось, сами патриархи становились во главе братств. А значит, их закрытие вылилось бы в международный скандал.

Степень организации братств была очень высокой. На всеобщих «сходках» братчики избирали руководителей: «старших» братчиков, «шпитальных» дозорцев, церковных строителей. Все участники организации выплачивали часть своего дохода в общую казну.

Очень быстро братствами покрылась вся территория Беларуси. В Могилеве существовало братство при церкви Входа Господня в Иерусалим, а затем при Спасском монастыре. Как и во многих других братствах, здесь существовала школа. Действовала и знаменитая книгопечатня, где издавались учебники и духовная литература.

Минское Петро-Павловское братство возникло как госпитальное. Оно содержало больницу для простого люда, хотя при нем же действовало и училище. Вообще, уровень образования в братских школах был очень высок. Создалась любопытная система образования. Наиболее одаренных учеников из местных братских школ направляли в училище при Виленском Свято-Троицком братстве. А оттуда — в Киевскую духовную академию. Учебники, разработанные для братских школ, были настолько совершенны, что ими более столетия пользовались в Беларуси, Украине и Московии. Именно по братским учебникам — букварю Спиридона Соболя, грамматике Мелетия Смотрицкого и «Лексису» Лаврентия Зизания — учился в Москве Михайло Ломоносов.

Авторитет Минского братства был настолько велик, что королевские власти побоялись народных волнений в случае его закрытия. И даже дали ему охранную грамоту. Братства действовали в Слуцке, Бресте, Пинске, Полоцке, Орше, Витебске, Мстиславле, Слониме и во многих других местечках Беларуси. Значение их для развития национальной культуры и языка трудно переоценить. Именно благодаря им поддерживался высокий уровень образования населения, характерный для нашей страны еще со времен Киевской Руси. В некоторых братских школах детей не только обучали бесплатно, что само по себе для того времени было крупнейшим достижением, но и брали на полное иждивение.

Братства были своеобразным ответом на антибелорусскую политику властей Речи Посполитой. Фактически была создана параллельная власть братств. Люди не выполняли ни одного королевского или магистратского решения без разрешения местного братства. Это было настоящее гражданское общество, возникшее против воли короля, но по воле народа.

Насильственно оторванная от единоверцев своим корыстолюбивым опекуном, София далеко не всегда имела возможность посещать православную церковь. И когда ей в этом отказывали, княжна смиренно молилась перед родовой иконой Покрова Божьей Матери, чудотворным образом, перешедшим девочке в наследство от благочестивых предков. С этой иконой София Олелькович не расставалась нигде и никогда. Видимо, именно она, Царица Небесная, хранила маленькую сироту от бед и соблазнов, придавала ей силы сопротивляться вере, которую ей навязывали.

Постоянно находясь среди людей, княжна не могла избавиться от чувства одиночества. Ее кормили, поили, учили, лечили, наряжали так, как этого заслуживала единственная наследница магната. Но в доме Ходкевича рядом с девочкой не было никого, кто мог бы согреть ее сердечным теплом. Именно поэтому Софья тянулась всей душой к Богу, который, единственный, казалось ей, понимает ее. Есть сведения, что юная София мечтала стать Христовой невестой. Однако Господу и путеводительнице княжны Царице Небесной было угодно, чтобы судьба последней из рода Олельковичей тесно переплелась с судьбой земного жениха, избранного ей Ходкевичем.

СУЖЕНЫЙ-РЯЖЕНЫЙ

С 1595-го по 1597-ой год юный жених вместе со своими друзьями, Ежи Радзивиллом, Александром Тризной и Яном Огинским, находился в Германии на обучении. До этого любимый сын Перуна овладевал знаниями в иезуитской академии в Вильно. Первые слова, обращенные друг к другу, нареченные доверили бумаге. Януш, самостоятельно или под диктовку отца, написал незнакомой ему девочке несколько вымученных комплиментов. София ответила ему учтиво и неопределенно. Быть может, вместо княжны, ничего не подозревающей о задуманной женитьбе, ответ составлял сам Героним Ходкевич?

Зимой 1598 года юноша ненадолго приехал домой. До назначенного дня свадьбы оставалось только два года. Естественно, Януша интересовало, какая она, его невеста. Радзивиллы стали требовать встреч жениха и невесты. Героним Ходкевич шел на это весьма неохотно. Почему-то он настаивал на том, чтобы Януш виделся с Софией не иначе как в присутствии многих людей. Впервые Радзивиллу удалось переговорить с невестой на балу, устроенном Ходкевичами в своем замке. Тринадцатилетнюю девочку весь вечер усиленно стерегли родичи Ходкевича. Януш с трудом добился права танцевать с нареченной. Ну, какой разговор может получиться в танце! Молодой человек был разочарован. Но сдаваться он не стал.

Следующая встреча с невестой дала Янушу больше возможностей разглядеть ее. Молодой человек довольно долго беседовал с Софией, правда, в присутствии Ходкевича. Еще несколько встреч, и княжна просто покорила сердце Радзивилла детской непосредственностью, чистотой и искренностью. Внешность Софии тоже понравилась Янушу.

Со своей стороны, молодой человек, ненапористый и рассудительный, смог вызвать симпатию у невесты. Старик Перун был доволен сыном. Со спокойным сердцем он отпустил Януша в Венгрию, где молодой Радзивилл вскоре нашел применение юношеским амбициям, приняв участие в междоусобных разборках венгерских и австрийских аристократов.

И Януш, и София с волнением ожидали дня свадьбы. Но внезапно Героним Ходкевич заявил, что брак не состоится. Причину юной невесте не объявили. Впрочем, узнать ее было не трудно. Радзивиллы и Ходкевичи переругались из-за имения Копысь.

Изначально имение принадлежало роду Острожских. Выдавая замуж дочь Екатерину за Радзивилла Перуна, князь Константин

Василий Острожский назначил Копысь вместе с имениями Романово и Глуск ей в приданое. Рано умершая княжна Екатерина была матерью Януша. Естественно, ее приданое как память о ней должно было остаться во владениях Радзивиллов. Но однажды Перуну пришлось заложить Копысь родичам Геронима, Александру и Яну Каролю Ходкевичам, которые предоставили ему определенную сумму денег на военные нужды. Когда пришло время расчетов, возникла спорная ситуация, за разрешением которой магнаты вынуждены были обратиться в суд. На основе решений Литовского Трибунала имение было возвращено Радзивиллам. Денежной компенсацией Ходкевичи остались недовольны. Они уже успели свыкнуться с мыслью, что Копысь достанется им. Когда в предверии свадьбы Перун стал обсуждать с Геронимом Ходкевичем пункты брачного контракта, Александр и Ян Кароль начали подговаривать родственника выставить Радзивиллам счет. И опекун Софии предъявил Перуну список трат, якобы понесенных семьей Ходкевичей за время опекунства. Героним предлагал отцу жениха в качестве компенсации отдать Копысь. Радзивилл возмутился и пообещал в ответ составить список присвоенного Геронимом из наследства Софии. Коса нашла на камень. Магнаты переругались.

Перун обратился в суд с жалобой на опекуна княжны Олелькович за то, что он отказывается предъявить жениху отчет о доходах с земель Олельковичей за все время опекунства. Геронима обязали выплатить Радзивиллам в качестве штрафа 10 тысяч злотых. Если же и после этого Ходкевич будет упорствовать в своем нежелании дать отчет об имущественных делах невесты, он должен был бы отдать сто тысяч коп грошей литовских. В случае же выявления недобросовестности в ведении дел воспитанницы, Героним мог поплатиться собственным имуществом.

Ходкевичу надо было срочно искать выход из затруднительного положения, потому что предоставить Радзивиллам отчет, уличавший его, Героним не мог. Очередное требование Перуна предоставить необходимые документы было проигнорировано. Суд потребовал от Ходкевича под угрозой баниции (пожизненного изгнания из страны) выплатить обиженной стороне 100 тысяч коп. Для Ходкевича это был настоящий удар. Впрочем, он считал решение суда предвзятым, потому что председательствовал в нем родич Перуна — католический епископ Ежи Радзивилл.

Раздумывая над тем, к кому бы обратиться с жалобой на «Радзивилловский суд», в самом мрачном расположении духа Ходкевич вернулся домой. И обнаружил там тайно пробравшегося для свидания

с невестой Януша. Рассвирепевший Героним приказал своим слугам спустить жениха с лестницы. Радзивиллы посчитали, что просто не имеют права прощать кому-либо подобное оскорбление.

«ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА» НА БЕЛАРУСИ

Жених и его отец решили силой освободить запертую Ходкевичем в его виленском замке Софию. Гетман великий Литовский Криштоф Радзивилл Перун призвал на помощь родичей и единомышленников. Среди них было много протестантов и православных. Самые большие силы привели три сына Константина Василия Острожского, дяди Януша Радзивилла. К ним присоединился хорошо вооруженный и обученный отряд воеводы смоленского Абрамовича. В подготовке нападения приняли участие каштелян жмудский Нарушевич, а также два канцлера: литовский Лев Сапега и коронный Ян Замойский. Привел конный отряд в 200 всадников даже курляндский герцог. Перун пригласил также 700 иностранных наемников. Собралось шеститысячное воинство.

Узнав о планах Радзивиллов, Ходкевич спешно начал собирать силы для отпора и укреплять свой виленский дворец. Призвал на помощь Яна Кароля Ходкевича. Ян Кароль вооружил 1600 всадников и 600 пехотинцев и ввел их в Вильно. На стенах виленского дворца установили 24 пушки, доставленные ради этого из Слуцка. Столица Великого Княжества Литовского ощетинилась орудиями, хотя ни одна чужеземная армия ей не грозила.

Король Сигизмунд III Ваза не на шутку обеспокоился. Ему донесли, что Перун планирует не только захват замка своего обидчика, но и Вильно, где протестанты и православные создадут надежный плацдарм для последующей войны со своим королем-католиком. Сигизмунд III послал к враждующим сторонам с призывом помириться четырех сенаторов. Посольство было весьма авторитетным: маршалок великий Литовский Криштоф Дорогостайский, мстиславский воевода Ян Завиша, подскарбий великий Литовский Анджей Завиша. Возглавлял посольство католический епископ Мельхиор Гедройц.

Но и Радзивиллы, и Ходкевичи с досадой отмахнулись от советов монарха.

Сигизмунд III Ваза

В 1587 году королем Речи Посполитой стал шведский принц Сигизмунд Ваза, католик, воспитанник иезуитов. Выбору его поспособствовало близкое родство с угасшей династией Ягеллонов. Матерью Сигизмунда была польская королевна Катажина Ягеллонка.

Стараясь вызвать симпатию своих подданных в Великом Княжестве Литовском, вскоре после восшествия на престол, Сигизмунд Ваза подписал новый, Третий Статут Великого Княжества Литовского. Статуты являлись сводами законов феодального права. В Третьем Статуте наряду с прочими имелась статья, согласно которой государь и все государственные органы были обязаны обеспечивать покой подданных, независимо от того, к какому учению в христианском вероисповедании они принадлежат. Но король первым же и нарушил принятый им Закон, прославившись как жестокий гонитель православных и протестантов в своей державе.

Брак с Констанцией Габсбург, фанатичной католичкой, которую «за усердие в делах веры» сам Папа Римский наградил орденом Золотой розы, еще больше способствовал процессу окатоличивания в Речи Посполитой. Именно при ней начались казни тех, кто открыто высказывал сомнения в догматах католического вероисповедания. Между прочим, королева Констанция и погибла-то из-за своего фанатизма. В 1631 году в Варшаве во время религиозного шествия в праздник Тела Господня королева, чтобы показать подданным пример, сама взялась нести одну из храмовых хоругвей. День был жарким, и монархиня получила солнечный удар. Промучившись два дня, она умерла.

При короле Сигизмунде III и королеве Констанции некатолики оказались в таком сложном положении, что их неформальные лидеры — православный Константин Василий Острожский и кальвинист Януш Радзивилл — договорились от имени своих единоверцев о совместных действиях против религиозного произвола в стране. Слаженности действий во многом способствовало то, что старик Острожский был дедом Радзивилла.

Католическая реакция вызвала первую волну казачьих восстаний: 1591-1593; 1595-1596; 1625-1630. Казаки провозглашали себя защитниками Православия. Православные горожане и крестьяне вступали в ряды мятежных запорожцев.

Одновременно с процессом окатоличивания Сигизмунд III Ваза добивался введения в Речи Посполитой абсолютной монархии и права наследования королевской власти. Противостояние короля и

подданных вылилось, в конце концов, в 1606 году в вооруженный мятеж — рокот. Восставшую против короля шляхту возглавил гетман надворный Коронный Ян Забржыдовский. Януш Радзивилл примкнул к мятежникам. Рокошане намеревались лишить Сигизмунда III короны. Между прочим, они добивались религиозной веротерпимости, аннулирования Брестской унии. Рокошане потерпели поражение, но многие их требования королю пришлось выполнить.

Во внешней политике Сигизмунда Вазу отличало стремление к авантюрам. Став после смерти своего отца еще и шведским королем, он начал активно восстанавливать позиции католической церкви в протестантской Швеции. Возмущенные шведские подданные лишили его престола, но на протяжении еще многих лет Сигизмунд Ваза продолжал именовать себя шведским королем и воевал, пытаясь вернуть утраченную корону.

Позднее Сигизмунд III увлекся идеей посадить на русский престол своего ставленника (сначала Лжедмитрия I, потом Лжедмитрия II). Но удержаться у власти самозванцам не удалось. В конце жизни Сигизмунд III Ваза вынужден был признать несостоятельность всех своих планов.

Посланцы короля способствовали лишь тому, что Ходкевич послал Перуну грамоту, больше похожую на ультиматум. Для того, чтобы вопрос о свадьбе мог вновь быть вынесен на рассмотрение, — писалось в ней, — Перун должен уничтожить все судебные обязательства Ходкевича и отказаться ото всех материальных претензий. Ответ Радзивиллов был таким: «Если к вечеру 5 февраля Ходкевич не доставит Софию в дом Радзивиллов, в ночь на 6 февраля Герониму следует ожидать штурма».

Приближалось 6 февраля — день, когда, согласно подписанному магнатами договору, должно было состояться венчание Януша и Софии. Были все основания считать, что «домовая война», обещанная Радзивиллами, непременно начнется. Не желая быть в центре этих опасных событий, горожане заколачивали окна и двери своих жилищ и, сетуя на судьбу, спешили покинуть столицу. Местные грамотеи недобрым словом поминали Троянскую войну, которая, как известно, тоже велась из-за женщины. Скромницу Софию уже сравнивали с распутной царицей Еленой, из-за которой в далекие античные времена схлестнулись греки и троянцы.

Митрополит Ипатий Потей, хитрый униат, которого не любили ни православные, ни католики, призывал всех христиан, независимо от конфессии, молиться за «ясновельможную княжну Слуцкую». Он

даже направил послание настоятелю Слуцкого Свято-Троицкого монастыря Исайе Соболевскому и всему слуцкому духовенству, в котором предлагал вместе с униатами и католиками провести трехдневный пост, чтобы Бог «нам внял и от всякого противления, скорби и беды избавил», а также «чтобы те два дома могучих с миром и хвалою Божьей и к радости всех христиан пристойно разъехались».

И молились. В церквях, кальвинистских сборах, костелах. Но искреннее всех иных молилась сама София, запертая в виленском дворце, как в темнице. Юная, чистая и добрая княжна, которой казалась отвратительной даже мысль о том, что из-за нее произойдет кровопролитие, просила Господа образумить тех, кто стремится к этой войне, или послать ей смерть...

Все уже было готово к битве. Но вдруг случилось нечто непонятное. Опытный полководец, великий гетман Литовский Криштоф Радзивилл Перун неожиданно скомандовал своей армии отступление, так и не начав военных действий.

Историки пытаются объяснить это так: в дело по просьбе Ходкевичей вмешался авантюрист, граф Ежи Мнишек (отец будущей супруги Лжедмитрия Марины Мнишек). Он выступил посредником в последних переговорах враждующих сторон, которые состоялись утром 6 февраля. Послы Радзивиллов — Лев Сапега, брестский воевода Криштоф Зенович и писарь львовский Сташевский — явились во дворец Геронима Ходкевича, чтобы сообщить, что Януш Радзивилл уже убран к венчанию и только ожидает невесты. Ежи Мнишек, встретив послов, так провел их по дворцу, чтобы они увидели, как он замечательно укреплен и как много в нем защитников. При этом сам Героним Ходкевич, вроде бы, отнесся к послам вполне дружелюбно: «Я готов выполнить обещанное... Отдам ему княжну, которую я не принуждал и не отговаривал от брака, и как Бог вразумит ее ответить, пусть так и будет».

Однако, прождав допоздна, Радзивиллы в тот день так и не увидели Софию. Отвечая на расспросы Перуна, Зенович пояснил, что во дворце Ходкевича «во всех постройках, на крышах башен и по домам, и по кухням, конюшням, — повсюду люд к бою изготовлен, и пушки направлены против ворот,...к тому же по домам и вкруг дворца на улицах всюду гаковницы и пушки с людьми посажены и приспособлены были, короче, готовы были к войне, а не к браку». Услышав такое, Радзивилл будто бы почувствовал, что при имеющем место соотношении сил в боях на тесных и узких улицах Вильно с его стороны будет слишком много жертв.

Но ведь одновременно с этим произошло и другое непонятное дело. «Победитель» Ходкевич вместо того, чтобы злорадствовать и праздновать, стал усердно предлагать «побежденному» противнику сесть за стол переговоров. Жители Вильно возликовали: Небеса услышали молитвы. Чудо произошло.

«КАТОЛИЧЕСКАЯ» ИНТРИГА ХОДКЕВИЧА

И все-таки свадьбе Софии и Януша не суждено было состояться ни в феврале, ни весной, ни летом... Во время длительных переговоров, этапы которых происходили и в Вильно, и в Бресте, и в Минске, Ходкевич выдвинул по меньшей мере три причины, препятствующие заключению брака. Прежде всего, жених и невеста находятся в близкородственных связях.

Отчасти это было правдой. Ведь бабушка Софии, Катажина Теньчиньская, похоронив мужа, приняла брачное предложение овдовевшего во второй раз отца Януша и стала его третьей женой. От Перуна у Катажины родилось двое детей: мальчик и девочка. Они были почти одного возраста с Софией. Но Януш был рожден другой матерью, второй супругой Перуна, княжной Острожской. Кровного родства между Софией и Янушем не было.

Вторым препятствием на пути к свадьбе должно было стать различие в вероисповеданиях. Причем, называя верой жениха кальвинизм, Героним и его свидетели в городских судах Бреста и Минска упорно утверждают, что вера невесты — католичество. Ничем иным, как твердой уверенностью опекуна в беспрекословном послушании Софии, которую он, как ему казалось, уже подготовил духовно к переходу в латинскую веру, это объясняться не может.

Третье препятствие, — объявил Ходкевич, — отказ самой Софии вступать в брак. Причина? Она желает связать судьбу только с единоверцем и боится греха кровосмесительства.

Перед такими серьезными препятствиями Перун уже готов был отступить. Но влюбленный Януш сдаваться не хотел. Этот сын православной матери и отца-кальвиниста настолько потерял разум от страсти, что ради желанной невесты решился униженно просить Папу Римского о помощи. Он был уверен, что София — уже католичка. А Папа Римский, он об этом знал, решает матримониальные вопросы католиков, если их подарки достаточно щедры. Итак, Януш Радзивилл заявил о своей готовности принять веру невесты и смиренно просил главу католической церкви разрешить его брак с близкой родственницей: «Меня, также принимающего святую католическую веру, пускай

Ваша Святость захочет поддержать и своей властью помочь с этим браком... и сама панна, чтобы могла в католической вере без вреда для своей религии жить со мною»... Послание в Рим было отправлено 20 июня 1600 года.

Тем временем, неожиданно наткнувшись на непонятную ему непреклонность Софии в вопросах веры и исчерпав все доводы в пользу перехода ее из веры предков в католичество, Ходкевич изменил тактику. В один прекрасный день он радостно сообщил воспитаннице о намерениях молодого Радзивилла стать католиком, естественно, умолчав о причинах этого решения. Со слов Ходкевича получалось, что Януш просто рассчитал, что католиком вернее сделает свою карьеру при дворе. София была потрясена «коварством» жениха. Она прилюдно заявила, что не желает связывать судьбу с Радзивиллом. Своей цели Ходкевич добился.

Однако торжество опекуна не было долгим. Каким-то образом о страданиях княжны и о безумствах Януша Радзивилла стало известно Константинопольскому патриарху. Возможно, об этом сообщили ему обеспокоенные случчаки, а может, обратилась за советом и сама София. Как бы там ни было, патриарх обменялся посланием с Папой Римским. В результате жених и невеста получили сразу два разрешения на брак: от Константинопольского владыки, который благословлял Софию, укрепляя ее в решимости до конца оставаться верной православию, и от Папы Римского, который, разобравшись в ситуации с Софией, все-таки не терял надежды заполучить в латинскую веру Януша. Впрочем, надежды эти оказались напрасными. В свете новых событий Януш остался кальвинистом. И это позволило ему много лет спустя, в самом конце жизни, с гордостью заявить: «...не хочу замалчивать вопросы веры и религии, в которой рожден и воспитан и век свой до сего дня прожил... не была она иной и есть только евангелистская, основанная на нерушимом слове Божьем, без преувеличений и вымыслов людских. Та вера, которая в сердце моем находилась и находится»...

День свадьбы был назначен самой невестой — 1 октября 1600 года — в праздник Покрова Богородицы, которой княжна Слуцкая с тревогой и надеждой вручила свою судьбу. За несколько дней до церемонии были подписаны все необходимые документы для окончательного разрешения конфликта между Радзивиллами и Ходкевичами. София убедила жениха, а тот, в свою очередь, отца, что наиболее правильным в ситуации всеобщего недоверия будет милостиво отказаться от притязаний на возмещение растрат, сделанных Ходкевичами. Ради спокойствия души желанной супруги и невестки

Радзивиллы согласились подать руку Ходкевичам. Но София потребовала неких юридических гарантий также для себя и своих слуцких подданных. Перед свадьбой Януш Радзивилл торжественно обещал, что не будет принуждать жену перейти в католичество, протестантизм или униатство, дозволит крестить детей в Православие, а также не допустит введения унии на землях Слуцкого княжества.

Если для кого-нибудь иного такие условия показались бы абсолютно неприемлемыми и невыполнимыми, то влюбленный Януш согласился на них легко и радостно. Униатов он так же, как и отец его, не терпел, а к православным относился с нескрываемой симпатией. Ведь верой его матери было именно Православие.

Венчание Януша Радзивилла с Софией Олелькович было произведено по православному обряду, хотя неизвестно, каким священником, в церкви ли или просто на дому. Оно состоялось в Бресте, а к 1600 году практически все православные святыни этого города уже были захвачены униатами. Православных священников изгоняли, православных называли «духовными диссидентами», им запрещали публичные собрания, религиозные шествия. Обряды крещения, венчания, погребения православным разрешалось совершать только с разрешения католического священника и за названную им плату. Брест, спустя несколько лет по установлении унии, по свидетельству современников, напоминал Рим времен гонений на христиан.

Скорее всего, ради венчания Софии священник прибыл из Слуцка. Свадьба была скромной и немноголюдной. В атмосфере сгущающейся над головами православных Речи Посполитой тьмы брачные обещания Януша, данные Софии, а вместе с тем и всем ее православным подданным, звучали особенно внушительно.

Гонения на православных в XVII веке

Душехватами называли в народе проводников Брестской унии. Король одаривал таких людей своей милостью и имениями, а простой белорусский люд их ненавидел. Первым среди гонителей веры православной был Ипатий Потей, униатский митрополит. Именно по его приказу православные церкви самым варварским способом превращали в униатские.

Униатский священник в сопровождении вооруженных слуг врывался во время службы в храм и шел прямо к алтарю. Там он срывал антиминс и уносил с собой. Антиминс — четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с изображением положения во гроб

Иисуса Христа, орудий его казни и четырех евангелистов по углам. Без антиминса служба в церкви отправляться не может.

Был и другой метод. Униат или ксендз являлся в православную церковь, тайно отправлял свою службу где-нибудь в сторонке, а потом заявлял, что церковь обращена в новый обряд. Православных священников, которые не желали смириться, по приказу Потея бросали в тюрьмы, или им брили головы, бороды и выгоняли из приходов.

Другой душехват, Луцкий униатский епископ Кирилл Терлецкий, разъезжал по округе в сопровождении вооруженной ватаги и с дубиной в руке. Заезжал в первую попавшуюся церковь, избивал, калечил верующих и среди крови и стонов проводил обряд обращения храма в униатский.

К чести католиков нужно сказать, что многие осуждали насильственные действия по отношению к восточным славянам. В самом деле, ведь им обещали, что уния консолидирует общество Речи Посполитой, позволит создать единый «народ посполитый». Но не единение, а раскол и враждебность видели они.

Иосиф Рутский считался человеком весьма просвещенным, но, тем не менее, был способен на варварские поступки. Он изгнал из Вильно всех православных монахов за исключением наиболее гневных обличителей, которых бросили в тюрьму, где морили голодом и жаждой. В столице Великого Княжества Литовского, по распоряжению Рутского, тела умерших православных белорусов выносили в ворота, через которые из города вывозили нечистоты и падаль.

Но самым страшным из душехватов был Иосафат Кунцевич, жестокий и неумолимый фанатик. Будучи архиепископом в Полоцке, он отобрал у православных все церкви. Люди стали молиться в домах. Кунцевич выхлопотал у короля грамоту о запрете таких молитв. Стали отправлять службы в сараях. Запретили и это. Более того, под страхом ареста православным священникам было запрещено приближаться к Полоцку. Горожане выходили в открытое поле и здесь совершали православные обряды. Пять лет Кунцевич держал церкви Полоцкой земли закрытыми. Нормальная человеческая жизнь была нарушена. Нельзя было окрестить ребенка, обвенчаться, отпеть покойника. А без венчания браки признавали недействительными, супругов — прелюбодеями, а прижитых детей — незаконнорожденными. Но и этого Кунцевичу было мало. Он приказал на городском кладбище вырывать из земли умерших, отпетых по православному чину, и выбрасывать их за церковную ограду.

Доведенные до последней степени унижений, белорусы составляли «жалобные листы» и через православных шляхтичей объявляли

их на сеймах. Из глубины веков дошел до нас голос предков, настоящий крик о помощи: «Мы испытываем величайшие беззакония и жестокие притеснения, и никто в нашем отечестве не изъявляет желания нам помочь. Нас лишили прав, лишили свобод и вольностей».

Но жалобы на сеймах не давали результата. Сами поляки признавали, что белорусов сначала обнадеживают на местных сеймиках, а потом подымают на смех на вальном сейме.

Волей-неволей белорусам приходилось с оружием в руках отстаивать свои права. В 1606 году восстали жители Могилева. Возглавил их Стахор Миткович. Он был старостой могилевского цеха солодовников. Уставшие от унижений горожане разогнали старую городскую раду, заняли здание ратуши. В новый состав рады вошли кузнецы, оружейники, гончары. Почти два года жители Могилева сами управляли своим городом.

Символом сопротивления белорусов стало и Витебское восстание 1623 года. Горожане выступили против Иосафата Кунцевича. В ноябре 1623 года Кунцевич прибыл в Витебск, чтобы наказать горожан за торжественный прием православного проповедника Мелетия Смотрицкого. И тут ударил старый витебский вечевой колокол. Затем зазвонили все церковные колокола. Они созывали народ. Православные схватили душехвата. Ненависть людская была так велика, что его буквально разорвали. Тело бросили в Двину. Так закончил свою жизнь Иосафат Кунцевич.

Расправу над мятежным Витебском возглавил канцлер Лев Сапега. Следствие провели в три дня. Боялись прихода казаков, за которыми послали горожане. За смерть одного Кунцевича 98 человек были приговорены к смертной казни. Витебск лишили Магдебургского права, на месте ратуши был устроен кабак, вечевой колокол сняли. Пречистенскую церковь разобрали и принудили горожан за свой счет соорудить униатский храм. Поистине на своей земле белорусы ощущали себя, как в вавилонском плену…

ИСПЫТАНИЕ НА ВЕРНОСТЬ

София стала женой Януша. Со стороны казалось, они жили так, как многие магнатские семьи в то время. Муж, выполняя рыцарский долг, стяжал славу на поле брани. Жена, подолгу оставаясь одна, управлялась с хозяйством и немного скучала.

Но иллюзия обыкновенности была обманчива. Известный поэт средневековья Соломон Рысинский в поэме «Кирмпенсим» повествует

о Януше Радзивилле не как о заурядном человеке, но как о настоящем герое, мужественном и отважном.

Царь разоряет ливонцев, теснит их мечом и железом,
Опустошенные травит жилища жестоким огнем...
Дерзость такую его не стерпеть. Не допустит на берег
Князь Радзивилл знаменитый, Литовской Отчизны глава...
Войско литовцев призывная песня на бой вдохновляет.
Вал — нипочем неприступные стены из дуба.
Заступы, лестницы, ломы неся, чтоб на стены подняться.
Воинам мигом пришлось под горящей смолой проскочить.
Вскоре от сильных ударов секир уже рушатся бревна.
Не помогает обивка железная мощных ворот.
Крепость взята, опрокинута царская грозная сила.
Старцы и юноши — воины вместе с вождями в плену...
(Здесь и далее - перевод Якова Порецкого)

Описываемые так красочно события относятся ко времени участия Януша в Ливонской войне. Он выехал к месту боевых действий вскоре после свадьбы. Потом были иные походы. Князь принимал участие в шляхетском мятеже — рокоше — против короля Сигизмунда III. Однако самым великим подвигом Радзивилла стало мирное деяние. Верный обещанию, данному Софии, Януш добился от короля привилея, запрещающего введение на Случчине униатства силой. Так благодаря заступничеству княгини и геройству князя Православие на случчине во времена самого ужасающего беззакония получило юридическую защиту. Впоследствии Януш Радзивилл изгнал из всех своих владений униатов. Этим он вызвал радостное ликование православных подданных, а также упреки и горестные стенания Ипатия Потея. Особенно глава униатской церкви осуждал Софию как подстрекательницу мужа в религиозных вопросах.

София действительно была главным инициатором всех антиуниатских акций Януша Радзивилла. Влюбленный рыцарь быстро научился видеть окружающую действительность глазами возлюбленной жены. Сердце его билось в унисон с ее сердцем.

Впрочем, София Слуцкая действовала во благо своих единоверцев не только через мужа. Благочестивая княгиня, получив, наконец, свободу во всех своих действиях, много времени уделяла делам милосердия. Она с радостью раздавала деньги неимущим, помогала больным, опекала гонимых. По воле княгини на землях ее княжества было начато строительство нескольких больниц для бедных. Чаще

обычного в Слуцке времен Софии звучали золотые слова Священного писания:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
Блаженны алчущие и жаждущии правды, ибо они насытятся.
Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами
Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть
Царство Небесное...

Впрочем, вспоминались слова эти в тяжкую годину испытаний на верность во всех уцелевших православных приходах Беларуси и Украины. Люди с верой и надеждой повторяли слова Спасителя нашего Иисуса Христа, и они помогали им превозмогать беды, обрушившиеся на них.

Защитники Православия на Беларуси в XVII веке

Хотя большая часть магнатства и шляхетства в период гонений на Православие изменила вере предков, несколько знатных семейств остались верны ей: Огинские, Соломерецкие, Стецкевичи... Как три древа, растущие из одной почвы, переплели они ветви свои. Пережениив детей, вместе противостояли всем бурям и ненастьям.

Богдан Огинский был старостой Виленского Свято-Духовского братства. При его участии и участии его жены Раины было создано Минское Петро-Павловское братство. Семья основала в своем имении Евье в Трокском воеводстве мужской монастырь при Вознесенской и Успенской церквях. При этом монастыре действовала школа. В имении Кроны Ковенского уезда Огинские возвели Троицкую церковь. Овдовев, Раина довершила строительство общежитийного монастыря вокруг церкви. Условием вдовы Огинской, которое она поставила перед монахами и монахинями, было твердое сопротивление переводу в униатство, подчинение исключительно Константинопольскому патриарху, а также основание при обители школы.

Сыновей Богдана и Раины Ивана, Александра и Самуила называли «столпами православной веры». В 1612 году братья подписали протест против перехода православных священников в униатство. Староста Кричевский Богдан Соломерецкий и его жена Ева

Барколабовна финансировали в Барколабове Свято-Георгиевский храм. Настоятелем его стал Федор Филиппович, автор «Барколабовской хроники».

Дети Богдана и Евы Соломерецких, Исаак и Елена, основали в Барколабове православный мужской монастырь. Княгиня Евдокия Стецкевич — мужской Петропавловский монастырь в Минске. Ее невестка, Анна Богдановна из Огинских, купила соседний дом и на этой территории для женской православной обители. Позднее с сыном Яном Анна Богдановна основала в селе Кутейки Оршанского уезда Успенский женский монастырь. Ее второй сын Богдан вместе с женой Еленой Соломерецкой построили мужской Кутеинский монастырь.

Семье Стецкевичей обязаны возникновением еще два известных монастыря — Буйницкий мужской и Барколабовский женский, которые стали очагами культуры и просвещения на Могилевщине. Участвовали Стецкевичиив восстановлении Софийского собора в Киеве. Именно Богдан Стецкевич поддержал Петра Могилу на Варшавском сейме, благодаря чему были восстановлены права Православной Церкви. Многие из этих храмов и монастырей действуют и сегодня. Это самые лучшие памятники бесстрашным и сильным духом людям.

Молитвами о единоверцах начинался и оканчивался день Софии Слуцкой. Свой молитвенный подвиг продолжала княгиня и во время паломничеств по отдаленным храмам своего княжества в дни престольных праздников. Православные храмы, монастыри и принты благодарили ее за щедрые пожертвования. Она не только опекала уже существующие храмы, но и возвела новый, на Мир-горе Языльского прихода — храм Покрова Богородицы. Княгиня своими руками шила и вышивала золотом церковные ризы и облачения священников.

София Олельковичоказывала неоценимую денежную и духовную поддержку Слуцкому Преображенскому братству. Благодаря просветительской деятельности этого братства в Слуцке в XVII столетии была достигнута почти всеобщая грамотность. При Спасо-Преображенской церкви с помощью княгини Слуцкой в 1600 году был основан братский Спасо-Преображенский монастырь с больницей и школой.

Всемерно поддерживала София и Минское Петропавловское братство. Благодаря финансовой помощи в том числе и княгини Слуцкой, во втором десятилетии XVII века, в годину самых жестоких гонений на Православие, братство возвело Минскую Петропавловскую

церковь на Немиге. Внешний вид этого храма уподобляет его крепости. Это и была крепость, крепость духа.

Святыни, возведенные Олельковичами

Самой древней обителью на Слуцкой земле был, по-видимому, Свято-Троицкий мужской монастырь. Он упоминается в русских летописях уже в 1205 году. Располагалась обитель в предместье Слуцка Тройчанах. Главный храм монастыря, церковь Пресвятой Троицы, изначально, как и все монастырские здания, был деревянным. В 1505 году в связи с разрушениями храма на его месте построили новый — каменный. Монастырь пострадал также во время войны России с Речью Посполитой — церковь Пресвятой Троицы погибла. Святыня была восстановлена на деньги случчаков и средства князя Богуслава Радзивилла, тогдашнего владельца города. В XVIII столетии церковь Пресвятой Троицы вновь разрушили, а восстановили по заказу Слуцкого архимандрита Виктора Садовского. В XIX столетии все деревянные монастырские здания были перестроены. Монастырь оделся в камень. На территории обители появились новые храмы — Святого Иоанна Богослова и Благовещенский. До начала XX века в монастырском храме Пресвятой Троицы хранилиь древние святыни: чудодейственный образ Богородицы византийского письма, «Слуцкое Евангелие», а также, подаренные Юрием III Юрьевичем «...для вечное памети и богомолия благочестия святого»... серебряный настоятельский посох и серебряный чеканный потир.

Слуцкая Свято-Михайловская церковь существовала уже в XIV веке. Она была построена в предместье Остров. В 1795 году разобрана. На ее место была перенесена из Старого города Константиновская церковь, которая и стала носить имя Свято-Михайловской. Эта церковь, построенная в традициях народного зодчества с элементами стилей барокко и позднего классицизма, является памятником деревянного зодчества.

Замковую церковь Успения Пресвятой Богородицы построили в 1409 году. В ней находилась чудотворная икона Богородицы. В 1505 году она сильно пострадала во время нашествия татар. Была восстановлена стараниями князя Юрия Семеновича Олельковича и его матери Анастасии Ивановны. В более поздние времена при церкви действовало братство и находилась богадельня. В 1819 году на месте этого храма возвели Успенско-Николаевскую церковь.

Братский Спасо-Преображенский мужской монастырь был основан при Спасо-Преображенском храме в 1600 году. При нем действовали госпиталь и школа. Церковь была отстроена в 1628 году после пожара.

Кроме этих святынь известны также возведенные и опекаемые Олельковичами Свято-Ильинский монастырь и Грозовский Свято-Николаевский монастырь, а также церкви Иоанна Крестителя, Рождественская, Воскресенская, Свято-Николаевская, Свято-Юрьевская, Свято-Варваринская, Свято-Семеновская, Свято-Константиновская, Свято-Степановская. Все они не сохранились до наших дней.

Страдания сокращают дни молодости. Переживания за судьбы ближних подорвали здоровье княжны Софии. В 1604 году она родила слабенького и болезненного сына, окрещенного Николаем. Он умер в том же 1604 году. В 1608 году София похоронила годовалую дочь Катеринку. Мать пожелала, чтобы любимица упокоилась в Киево-Печерском монастыре, среди могил достойных своих предков.

Потом на несчастную мать обрушилась череда долгих и безнадежных лет. Она болела, иногда выезжала с мужем на лечение за границу и неустанно молила Бога о ребенке, продолжателе рода, продолжателе дел и славы Олельковичей. В 1512 году, казалось, искренние моления княгини были услышаны: она поняла, что станет матерью. Муж и жена с нетерпением и надеждой ожидали появления ребенка. Но счастье их было недолгим. 19 марта 1612 года в имении Омельно близ реки Птичь княгиня умерла при родах. Ребенок (девочка) также не выжил. Весь Слуцк оплакивал госпожу.

О! Ненадежной судьбы мановение неоспоримо!
О! Никому не избегнуть плачевного жизни конца!
Смерть презирает и прадедов честь, и родителей дело,
Племени блеск уважать не умеет и разума мощь...
Звездочка! Ты сохранилась в созвездии Слуцком едина,
Между литовскими славой ярчайшая, первая дочь!
Разве ты менее рыцарь, чем гордый супруг твой великий?
Сила какая, нагрянув нежданно, тебя унесла?.

ПОСЛЕ КОНЧИНЫ КНЯГИНИ

Похороны княгини Софии проходили в Слуцке в июле 1612 года в присутствии ближайших родственников и множества православных подданных благочестивой княгини. Тело Софии приняла Свято-

Троицкая обитель. Безутешный вдовец приказал выбить над гробом надпись: «...Не без слез поставил Януш Радзивилл, князь Биржей и Дубинок, а также Слуцкий и Копыльский... Наипечальнейший супруг наижеланнейшей супруге, женщине, наидостойнейшей для своего времени и родом, и красотой, и целомудрием»...

Согласно подписанным Софией и Янушем еще в первый год брака грамотам, в случае безвременной кончины одного из супругов, второй становился наследником всех его владений. И значит, Януш обретал после погребения жены всю полноту прав на Слуцкое княжество. Радзивилл поклялся править так, чтобы у подданных его не возникло никаких сожалений о временах минувших и никаких упреков к роду Радзивиллов. Выполняя последнюю волю любимой Софии, он до самой своей смерти защищал завоеванное ими для случчаков право на свободное вероисповедание. Женившись спустя год на немецкой принцессе протестантке Софии Гогенцоллерн, Януш составил наказ для своих потомков: «Церкви и монастыри религии старорусской в имениях моих по-прежнему должны быть сохраняемы и потомки мои должны соблюдать, дабы не последовало в том никакой перемены». И потомки соблюдали завет предка.

Единственный сын Януша от принцессы Софии, Богуслав Радзивилл, князь, вернувший Слуцку Магдебургское право, ревностно защищал православные святыни от поползновений униатов. Его дочь, Людвика Каролина, вышла замуж и жила в Германии. Она регулярно посещала Слуцк, лично рассматривала все жалобы православных подданных и не оставляла без внимания ни одно присланное ей с родины письмо. Людвика Каролина подписала грамоту, в которой, между прочим, было сказано: «Изъяснить всем, кому знать должно, что церкви религии старой Греко-Российской, с незапамятных времен построенные и арендованные в городе Слуцке и Копыле и во всем княжестве Слуцком и Копыльском, а также в имениях моих Койдановском, Копыльском, Себежском и других, всегда стояли под благословением восточного Константинопольского патриарха, и блаженной памяти князь и княгиня, предки мои всегда этой религии и подданным православным покровительствовали, и что они доселе пользовались и ныне пользуются свободою своего старогреческого богослужения и силою церковных правил в духе Церкви Восточною. А потому настоящим привилеем своим утверждаю, чтобы церкви, архимандриты, игумены, монастыри и братства в княжестве Слуцком и других моих владениях на вечные времена неприкосновенно, без всякой перемены были охраняемы в совершенной свободе своего богослужения под вышеозначенным Константинопольским богослуже-

нием и во всех своих обычаях и обрядах церковных: на место умирающих пресвитеров униаты не должны быть поставляемы и уния на эти церкви не должна вводиться никаким насильственным способом, но да будет им позволено для посвящения пресвитеров, относящихся к владыкам их — не униатам, в Короне и Литве находящимся, а за недостатком их ездить за границу без всякого препятствия и малейшего затруднения. Все это содержать, как сама обещала духовенству Слуцкому; и преемников своих обязываю этот привилей точно и неприкосновенно соблюдать».

МОЛИСЬ ЗА НАС, СВЯТАЯ СОФИЯ!

Некоторое время гроб княгини Софии содержали закрытым. Но спустя время иноки монастыря обнаружили, что тело последней из Олельковичей остается нетленным. Тогда стало ясно, что речь идет о святой. Нетленные мощи были открыты, сразу же началось почитание имени и памяти святой Софии Слуцкой. У гроба ее стали совершаться чудеса. Девушки, молящие о семье и браке, обретали надежных спутников жизни. Бездетные женщины, помолившись святой, становились матерями. Трудные роды благополучно разрешались. Приносящие к святой Софии страдающих тяжелыми недугами детей, приводили их домой исцеленными. Люди, страдающие от жесточайших головных болей, получали немедленное исцеление. В XVIII столетии учитель Слуцкой духовной семинарии иеромонах Маркиан составил книгу: «Чудеса Благоверной Слуцкой княгини Софии Олельковны, мощами своими в Слуцком Свято-Троицком монастыре нетленно почивающей». Эта книга еще больше способствовала почитанию святой. Случчаки всецело доверяли своей княгине и прибегали к ее помощи и защите в самых трудных и опасных для города и жителей ситуациях. Крестный ход с мощами святой не раз спасал Слуцк от эпидемий и природных катаклизмов.

Каждый год 19 марта в день кончины святой Софии, к раке ее с благоговением приближались достойнейшие из слуцких жен и переодевали нетленное тело княгини в сшитое ими специально для нее новое одеяние, златотканое, вышитое, украшенное дорогими кружевами.

В 1930 году к гробу Софии Слуцкой впервые подошли люди, настроенные скептически. Им была интересна нетленность как явление. Медики установили действительное наличие таковой, но объяснить это с точки зрения науки не смогли. Решено было изъять тело

святой из монастыря и поместить в Минский медицинский музей. Со слезами прощались жители Слуцка со своей заступницей.

Более десяти лет святая была лишена надлежащего ей почитания. Во время фашистской оккупации Беларуси, воспользовавшись декларированием немцами лояльности в отношении верующих, Серафим Жировицкий исходатайствовал возвращение мощей Церкви. Впрочем, в связи с этим рассказывается одно предание. Будто бы мистически настроенные немцы так же, как до этого и советские атеисты, решились на изучение нетленности мощей. Для этого было принято решение отсечь палец княгини, чтобы произвести некие исследования. Но когда фашистский ученый приблизился к мощам со скальпелем, рука Софии вдруг приподнялась и погрозила ему этим самым пальцем. Немцы уверовали в святость Софии Слуцкой и не препятствовали возвращению мощей церкви. Ныне они открыто почивают в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе у северного придела в честь чудотворной Минской иконы Божией Матери.

София Слуцкая официально была канонизирована 3 апреля 1984 года и вошла в Собор Белорусских Святых. Она была прославлена тринадцатой из святых жен Руси и стала для Русской Церкви нечаянной радостью и той, которая дарит нечаянную радость любви, исцеления, духовного спасения. Прославляя святую праведную княгиню Софию Слуцкую, Церковь прославляет в ее лице духовный подвиг всего рода «рыцарей Православия», князей Олельковичей.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание
МАСЛЕНИЦЫНА Ирина Александровна
БОГОДЗЯЖ Николай Константинович
София Слуцкая
Повесть-эссе
Редактор Л. Ф. Анцух Дизайн обложки и компьютерная верстка И. И. Дубровская Корректор Л. А. Анисовец
Подписано в печать 25.03.2012. Формат 60 X 84/16. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 3,8. Тираж 500 экз. Заказ № 146.
Издатель и полиграфическое исполнение: ОДО «Издательство "Четыре четверти"». ЛИ № 02330/137 от 16.03.2009. Ул. Б. Хмельницкого, 8-215,220013, г. Минск. Тел./факс: 331-25-42. E-mail: info@4-4.by